
НАГЛЯДНЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Выпуск 13

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА ОСВОБОДИТЕЛЯ ПОЛОЦКА

30 июня—3 июля 1944 г.

Полоцкое
книжное издательство
2011

УДК 94(476.5—21Полоцк)“1944”

ББК 63.3(4Бел)622

ИЗ2

Серия основана в 2004 году

Редакционный совет серии

А. М. Супранович (руководитель проекта),

Л. Ф. Данько (научный редактор), С. Н. Глушков, А. И. Судник

Составитель А. И. Судник

Предисловие С. И. Полякова

На первой странице обложки компьютерный коллаж А. И. Судника

Фронтиспис: лейтенант Б. Б. Вартапетян, 1945

На с. 46 схема С. П. Копыла

На титульном листе: фрагмент фотографии встречи полочанами освободителей города на площади возле Николаевского собора. Июль 1944. БГАКФФД

В издании использованы материалы Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФФД), из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, архива Полоцкого книжного издательства, личных архивов Б. Б. Вартапетяна, С. И. Полякова, фотографии А. Марцинкевича, А. Судника

Автор благодарит Лилию Ивановну Полякову за помощь в подготовке издания к печати

Из фронтового дневника освободителя Полоцка, 30 июня—3 июля

ИЗ2 1944 г. / сост. А. И. Судник, предисл. С. И. Полякова. — Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2011. — 53 с. : ил. — (Наследие Полоцкой земли ; вып. 13).

ISBN 978-985-6936-30-5.

В сборнике опубликованы сохранившиеся записи из фронтового дневника освободителя города Полоцка младшего лейтенанта Б. Б. Вартапетяна, ныне известного ученого, профессора, доктора биологических наук. Записи в дневнике были сделаны им в летние дни 1944 года, когда началось освобождение Полоцка от немецко-фашистских захватчиков. Дневник прокомментирован и дополнен воспоминаниями Б. Б. Вартапетяна, которые были написанными им в последнее время. В статье, посвященной военной операции 1944 года по освобождению Полоцка, сотрудник Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника С. И. Поляков излагает ход военных действий, приводит ряд интересных фактов из воспоминаний участников событий.

УДК 94(476.5—21Полоцк)“1944”

ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-6936-30-5

© Судник А. И., составление, 2011
© Оформление. ООО «Полоцкое книжное издательство», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор предлагаемых читателю фронтового дневника, дополнений и комментариев к нему, Борис Багратович Вартапетян, из поколения людей, чья юность пришлась на военное лихолетье. Он родился 1 мая 1925 года на земле Нагорного Карабаха в семье школьных преподавателей. В 1927 году семья переехала сначала в Ереван, а затем в город Кировск Мурманской области, где родители автора работали научными сотрудниками Полярно-альпийского ботанического сада Академии наук СССР.

С началом Отечественной войны сотрудники ботанического сада были эвакуированы в Сыктывкар и включены в состав Базы Академии наук СССР по изучению Севера. В свободное от школьных занятий время Борис часто бывал в отделе физиологии и биохимии растений, где работала его мама Сирануш Месроповна Вартапетян. В этом же отделе работал эвакуированный из Москвы доктор биологических наук А. Л. Курсанов, будущий академик АН СССР и научный руководитель Бориса Багратовича в студенческие и последующие годы.

Общение с мамой и ее коллегами не могло не повлиять на выбор профессии, который Борису пришлось делать уже после окончания войны. В конце 1942 года он был призван в армию и направлен на учебу в Велико-Устюгское военно-пехотное училище, которое было переведено в ходе войны в город Каргополь. Обучение было ускоренным, и в конце 1943 года молодой офицер был направлен на I-й Прибалтийский фронт командиром минометного взвода. На фронте восемнадцатилетнего младшего лейтенанта назначили в 353-й стрелковый полк 47-й Невельской стрелковой дивизии 4-й ударной армии в качестве офицера связи — должность очень ответственная, требующая личной храбрости и мужества. Дивизия вела тогда тяжелые бои на Витебском направлении. В ходе штурма Полоцка, при выполнении боевого задания, лейтенант Вартапетян был тяжело ранен и длительное время провел в госпиталях. Фронтовое ранение и сейчас, спустя годы, временами напоминает о себе. Имеет более 20-ти правительственных наград, в том числе два ордена Отечественной войны.

Борис Багратович Вартапетян
Полоцк. Фото 1984
40-летие освобождения
города Полоцка и Белоруссии
от немецко-фашистских захватчиков

© Поляков С. И., 2011

**Выступление
Б. Б. Вартапетяна
на Тимирязевских
чтениях
Москва. Фото 1982**
За председательским
столом академики
АН СССР (слева направо)
А. Л. Курсанов
и М. Х. Чайлахян, а также
член-корреспонденты АН
А. А. Ничипорович
и Р. Г. Бутенко

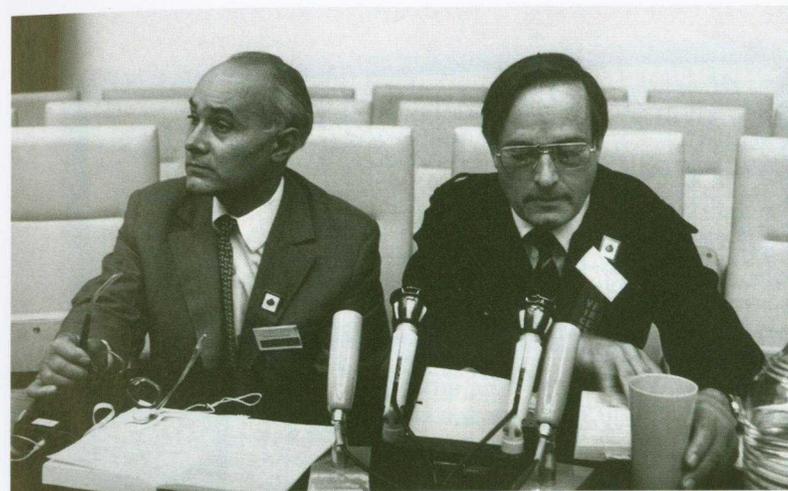

После выздоровления Борис Багратович поступил на биологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который окончил с отличием в 1952 году. Научно-исследовательской деятельностью занялся еще в студенческие годы, работая под руководством академиков Александра Ивановича Опарина (1894—1980) и Андрея Львовича Курсанова (1902—1999). После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации в 1956 году Борис Багратович поступил на работу в Институт физиологии растений им. К. А. Тимирязева АН СССР. В 1966 году защитил докторскую диссертацию, в 1972 ему было присвоено звание профессора. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2006).

В исследовательской работе основное внимание Б. Б. Вартапетяна было направлено на изучение биохимических путей метаболизма молекулярного кислорода и явления гипоксии и аноксии растений. Выдающимся вкладом Б. Б. Вартапетяна в фундаментальную науку стало созданное им на стыке экологии, физиологии и биохимии растений новое научное направление — учение об анаэробном¹ стрессе растений, получившее широкое международное признание и активно развиваемое в настоящее время молекулярными биологами и генетиками. В 1991 году издательством Academic Publishing (Нидерланды) под редакцией крупнейших мировых специалистов в области физиологии и биохимии растений М. Джексона, Д. Дэвиса и Г. Ламберса была издана монография по анаэробноз растений, посвященная Б. Б. Вартапетяну. Доклад профессора Вартапетяна на Тимирязевских чтениях (1982), был напечатан в Москве издательством «Наука» (1985), а позже за рубежом он был переведен на английский язык и опубликован в виде монографии издательством Arnold Publisher. В 2004 году Борис Багратовичу постановлением Президиума Российской академии наук присуждена премия имени К. А. Тимирязева.

Профессор Б. Б. Вартапетян принимает активное участие в жизни мирового научного сообщества. Он многократно участвовал в международных конгрессах и симпозиумах в качестве докладчика, председателя, президента либо члена оргкомитета. На симпозиуме ЮНЕСКО в 1985 году он был председателем оргкомитета, а в 1992 году его пригласили в качестве президента и одного из главных докладчиков международного симпозиума

¹ Анаэробноз — жизнь растений в отсутствие свободного кислорода.

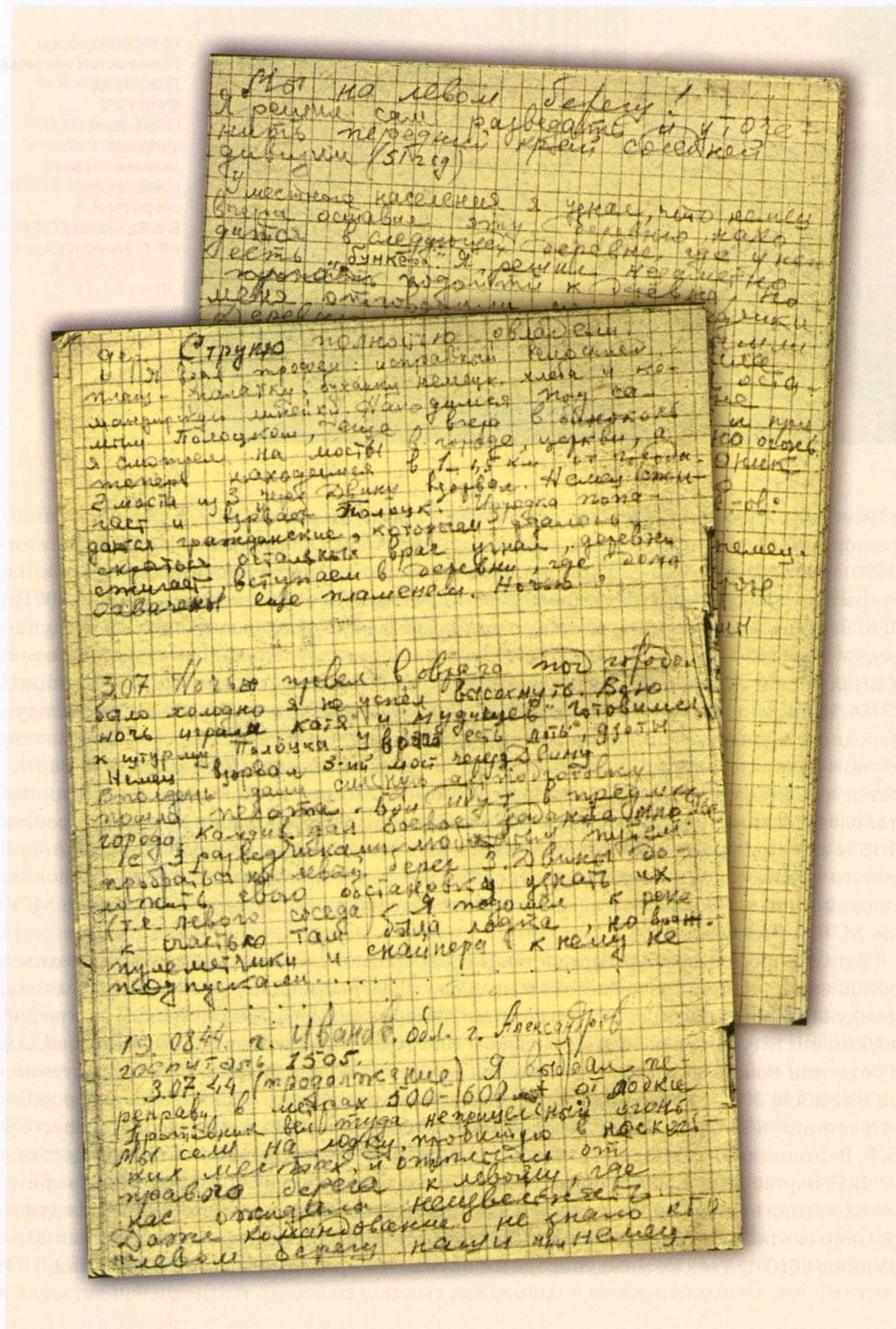
**На Международном
ботаническом конгрессе
Ленинград
Фото 1975**
Сопредседатели
заседания
на секции конгресса
(слева направо)
профессора
Б. Б. Вартапетян (СССР)
и В. Д. Боннер (США)

в Исландии, который также был организован при поддержке ЮНЕСКО. Он был инициатором и одним из основных докладчиков научной конференции НАТО в Англии (1992)². Профессором Б. Б. Вартапетяном были прочитаны вступительные лекции на открытии международных симпозиумов в Финляндии (1995) и Нидерландах (2001). Б. Б. Вартапетян был организатором и председателем двух симпозиумов XII Международного ботанического конгресса. По приглашению коллег занимался научной работой и читал лекции в университетах и научных центрах Англии, Австралии, Италии, Франции, США, Шри Ланки. В течение ряда лет Б. Б. Вартапетян был членом редколлегии международного журнала *Plant Physiology and Biochemistry*. В настоящее время он является членом редколлегии ряда международных научных журналов. Профессор Б. Б. Вартапетян является сопредседателем Международного комитета по глобальной климату и экологическим стрессам растений при Международной ассоциации «Зеленый Крест». В 1994 г. он был назначен председателем Межведомственного координационного научного совета по экологическим стрессам растений при президиумах Российской академии наук, Российской академии сельскохозяйственных наук и ректорате МГУ им. М. В. Ломоносова.

Заслуги профессора Б. Б. Вартапетяна неоднократно отмечены рядом международных организаций, например, дипломом и медалью «2000 выдающихся людей XX столетия» международного биографического центра в Кембридже (1997). Американским биографическим институтом он назван «Человеком 1999 года». Принимая во внимание его вклад в создании нового научного направления — учения об анаэробном стрессе растений, он в течение 30 лет избирался президентом Международного общества по анаэробнозу растений (ISPA), а в 2004 г. на генеральном собрании ISPA в Австралии профессор Б. Б. Вартапетян был избран Пожизненным почетным президентом этого общества.

Б. Б. Вартапетяном опубликовано более 250 научных работ, включая три монографии. 85-летний юбилей профессора Б. Б. Вартапетяна был отмечен на открытии Международного симпозиума по анаэробному стрессу растений, который проходил в Италии 20—25 июня 2010 г., а также международным научным журналом *Plant Stress* в Японии.

² Подробнее об этой конференции см.: Андрей Львович Курсанов: жизнь и творчество. М., 2004. С. 174.

Страницы из фронтового дневника Б. Б. Вартапетяна, посвященные событиям в Полоцке 2—3 июля 1944

Б. Б. Вартапетян

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА¹

30.06. [1944 г. На подступах к Полоцку]

За ночь противник отступил километров на 6—7. Ночь прошла неважно, с Лебедевым² лежали на соломе под проливным дождем. Противник держится крепко на заранее подготовленных рубежах. В освобожденные деревни постепенно тянется население. В одной из них меня с Лебедевым угостили молоком, давно-давно я последний раз его пил. Под вечер дали сильную артподготовку, пошли танки, пехота ворвалась в траншеи; успехи небольшие, не много выбили.

1—2 [июля 1944 г. На подступах к Полоцку]

Противник бежит, но не паническое это бегство. Я шел по железной дороге Витебск — Полоцк, она разрушена с немецкой аккуратностью: через каждые 2—

Б. Б. Вартапетян
1-й Прибалтийский фронт,
накануне операции «Багратион»
Фото 1944

¹ Публикуемые в настоящем издании записи из фронтового дневника относятся к последним дням пребывания автора на фронте, когда шли бои за освобождение Полоцка. Подробнее см. на с. 13 наст. изд. Эпизодические заметки дневникового характера, которые делались автором ранее, не сохранились. — *Здесь и далее, если это специально не оговорено, примеч. ред.*

² Лебедев — офицер связи 47-й стрелковой дивизии. Во время подготовки книги к печати Б. Б. Вартапетян сообщил интересные подробности, связанные с этим эпизодом: «Наступая в направлении Полоцка, за несколько суток до штурма города, мы на своем участке приспособились к тактике немцев: днем они оказывали нам упорное сопротивление, и мы почти не могли продвигаться вперед, а ночью они скрытно снимались с позиций и отступали на 6—7 км. Утром мы легко преодолевали это расстояние и опять встречали сильное сопротивление противника до следующего утра. Это вполне нас устраивало, поскольку мы ежедневно продвигались вперед, причем без больших потерь. (Правда, когда об этом стало известно высокому начальству, оно очень было недовольно, так как в результате немцы ускользали). Итак, обнаружив под вечер сильное сопротивление немцев, мы с Лебедевым устроили себе ночлег в каком-то кустарнике с тем, чтобы утром опять сделать марш-бросок на запад. Шел дождь. К счастью, мы нашли немецкое одеяло, которое натянули на верхушках кустов, защитив себя от дождя, и легли спать. Спали крепко. И вдруг среди ночи на нас что-то обрушилось. Совершенно ошеломленные, мы вскочили ничего не соображая, спросонья нам показалось, что где-то рядом разорвался снаряд. Но все было гораздо проще: пока мы спали, на натянутом над нами одеяле скопилось много воды, и в какой-то момент его крепление не выдержало и вся вода рухнула на нас сонных».

3 м взорвана³; а как разворочены мосты и по железной дороге и по шоссе! Слева река Западная Двина, мы наступаем у самой реки. Комдив направил майора⁴ и меня поднять пехоту [148-й стрелковый полк] в атаку. С трудом пробивались: орудия врага били прямой наводкой... но больше всех тревожили снайпера. Ползком, перебежками добрались до реки, я перешел её во всем по пояс в воде. Нашел командира полка, он уже находился в боевых порядках. Несколько раз сыграла катюша⁵, неплохо дала и артиллерия. Пехота пошла, деревней Струней⁶ полностью овладели.

Я взял трофеи: исправный велосипед, плащ-палатку, буханку немецкого хлеба и командирскую линейку. Находимся под самым Полоцком, еще вчера в бинокль я смотрел на мосты в городе, церкви, а теперь находимся в 1—1,5 км от города. Два моста из трех через Двину взорваны. Немец сжигает и взрывает Полоцк. Изредка попадают гражданские, которым удалось скрыться, остальных враг угнал, деревни сжигает, вступаем в деревни, где дома охвачены еще пламенем.

3.07. [1944 г. Полоцк]

Ночь провел в овраге под городом [Полоцком], было холодно, я не успел высохнуть. Всю ночь играли «каты» и «мудищев»⁷. Готовимся к штурму Полоцка. У врага есть доты, дзоты. Немец взорвал третий мост через Двину⁸.

В полдень дали сильную артподготовку, пошла пехота. Бои идут в предместьях города. Комдив дал боевое задание мне: с тремя разведчиками любым путем пробраться на левый берег Западной Двины, доложить свою обстановку, узнать их (т.е. левого соседа). Я подошел к реке, к счастью, там была лодка, но вражеские пулеметчики и снайпера к ней не подпускали...

19.08.1944 г. Ивановская обл. г. Александров, госпиталь 1505⁹

3.07. 1944 [г. Полоцк] (продолжение)

Я выбрал переправу в метрах 500—600 от лодки. Противник вел туда неприцельный огонь. Мы сели на лодку, пробитую в нескольких местах, и отплыли от правого берега к левому, где нас ожидала неизвестность. Даже командование не знало, кто на левом берегу — наши или немец.

Мы на левом берегу! Я решил сам разведать и уточнить передний край соседней дивизии (51-й г. сд.)¹⁰

У местного населения узнал, что немец вчера оставил эту деревню, находится в следующей деревне, где у него есть «бункера». Я решил незаметно подойти к деревне, но меня отговорили мои разведчики. Деревню обошли слева и вышли к городу [Полоцку]. Перед нами была нетронутая проволока. Я оставил двух разведчиков в стороне, приказав следить за мной и при необходимости открыть самостоятельно огонь. Сам с одним разведчиком проник в город; немца там не было видно, я вызвал двух других разведчиков. Тут нас заметили — наши и немцы. Полетели снаряды с обеих сторон, особенно точно бил фриц. Все кончилось благополучно, мы оставили город...

³ Для уничтожения железнодорожных путей немцы использовали специальные поезда со шпалорезами.

⁴ Фамилия и судьба этого майора мне неизвестны. Он был также отправлен в д. Струню с аналогичным заданием, но я не был придан под его командование в этой операции, и потерял его из виду во время дальнейших событий. — *Примеч. авт.*

⁵ Катюша, «каты» — неофициальное название боевых машин реактивной артиллерии БМ-8 (82 мм), БМ-13 (132 мм).

⁶ Современное название — Струнея.

⁷ «Мудищев» — реактивная система залпового огня М-30, в отличие от катюши не имевшая автомобильного шасси, а запускавшаяся прямо из укупорочного деревянного ящика. За характерную форму головной части реактивных снарядов фронтовики называли эту систему по имени героя одноименной поэмы И. С. Баркова «лукой мудищевым».

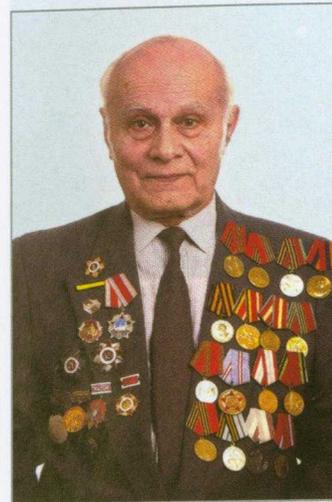
⁸ Вероятно, мост был поврежден, но не уничтожен. Подробнее см. сс. 47—48 наст. изд.

⁹ Здесь приводятся место и время записи, которая была сделана автором позже, в госпитале после ранения.

¹⁰ Г. сд. — гвардейская стрелковая дивизия.

Б. Б. Вартапетян

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ К МОЕМУ ФРОНТОВОМУ ДНЕВНИКУ

Борис Багратович Вартапетян
Полоцк. 2009

Идея написать настоящие комментарии и дополнения к моему фронтовому дневнику возникла у меня 3 июля 2009 года во время пребывания в Полоцке, куда в связи с 65-летним юбилеем освобождения этого города и Белоруссии от немецких войск (3—4 июля 1944 года) я приехал вместе с членами моей семьи по приглашению городских властей и руководства ОАО «Полоцк—Стекловолокно», которое в течение многих лет шефствует над ветеранами нашей 47-й стрелковой дивизии. Посетив Музей боевой славы города Полоцка, расположенный рядом с Курганом Бессмертия, я вновь с интересом осмотрел экспонаты, относящиеся к освобождению города Полоцка, в особенности стенд, посвященный 47-й стрелковой дивизии, в составе которой я воевал. Откровенно хочу сказать, что я очень горжусь тем, что в Музее боевой славы города Полоцка рядом с портретом командующего нашей дивизией генерала П. В. Черноуса экспонируется и моя фотография как освободителя города Полоцка, а на другом стенде музея помещены выдержки из моего фронтового дневника. Представленный в экспозиции текст был написан мною как раз в те самые дни, когда мы вели кровопролитные бои в окрестностях Полоцка, завершившиеся штурмом и освобождением этого прекрасного старинного славянского города.

И вот, спустя 65 лет, перечитав еще раз строки своего дневника, написанные в перерывах между боями, я вдруг обратил внимание на то, насколько скупо отражены в нем некоторые яркие военные события, свидетелем и участником которых был я сам, а некоторые даже вовсе не упомянуты, несмотря на то, что многие из них до сих пор свежи в моей памяти. А с другой стороны, ряд эпизодов и фактов, описанных в дневнике, например, история

Ветераны 47-й стрелковой дивизии в Музее боевой славы города Полоцка у стенда, посвященного 47-й стрелковой дивизии

Фото 2004

Слева направо:
Б. Б. Вартапетян,
М. А. Богданов,
Г. А. Березина,
В. А. Соловьев

с трофейным велосипедом (о чем ниже я расскажу более подробно), может у некоторых посетителей музея вызвать удивление, а, возможно, и некоторое недоумение.

Еще более я утвердился в своем мнении о необходимости прокомментировать некоторые моменты моего фронтового дневника, когда в эти же дни пребывания в Полоцке меня пригласили в горисполком и в торжественной обстановке от имени правительства Беларуси наградили юбилейной медалью «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков», вручив одновременно приветствие и поздравления от Президента Беларуси, а также специальный выпуск газеты «Полоцкий вестник» за 2 июля 2009 года.

Просматривая праздничный номер газеты, посвященный освобождению города Полоцка и Белоруссии, я обнаружил в нем выдержки из своего фронтового дневника, помещенные под рубрикой «Освобождение Полоцка», где приводились воспоминания ветеранов-освободителей города. Уверен, что фрагменты моего дневника были опубликованы по инициативе

директора Музея боевой славы города Полоцка Сергея Полякова, принимавшего активное участие в выпуске этого номера «Полоцкого вестника». Дневник был откорректирован на хорошем профессиональном уровне, а некоторые недочеты в описании событий, о которых я упомянул в начале, здесь уже в той или иной степени были обойдены.

Вскоре после моего возвращения из Полоцка в Москву Вера Булат, коренная полочанка, которая много лет очень заботливо шефствует над ветеранами нашей дивизии, прислала мне другую полоцкую газету («Трудовая смена» от 11 июля 2009), в которой была опубликована специальная статья, посвященная моему пребыванию в Полоцке в связи с упомянутыми выше торжествами. В этой статье более подробно описывается ряд эпизодов, касающихся моего участия в освобождении Полоцка, при этом чувствуется, что, работая над этой статьей, Анна Пожарская и Людмила Пропп при описании некоторых фактов и эпизодов умело использовали текст моего фронтового дневника.

Несмотря на упомянутые приятные события, имевшие место в Полоцке

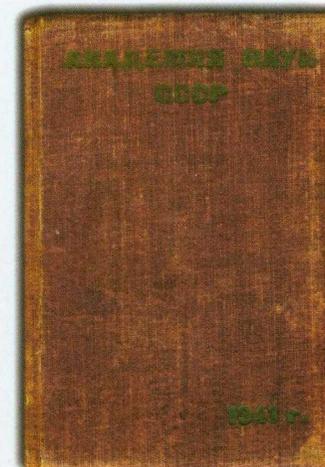
в эти праздничные дни, на прекрасное, я бы сказал — трогательное, отношение к нам полочан, которые нас принимали и сопровождали, а может быть, именно, принимая во внимание все это, а также тот факт, что даже спустя 65 лет мой фронтовой дневник, во всяком случае, в той части, которая касается освобождения Полоцка, привлекает внимание тех, кто интересуется историей этих событий, меня все настойчивее посещала мысль о том, чтобы попытаться восполнить некоторые упущения в его тексте.

Но прежде я хотел бы обратить внимание читателя на некоторые обстоятельства, связанные как с содержанием, так и с изложением материала в моем фронтовом дневнике.

Следует отметить, что я писал дневник только для себя и не мог, конечно, тогда представить, что когда-нибудь содержание этих сугубо личных заметок получит столь широкую огласку, как это произошло сейчас, спустя много десятилетий. Следует также иметь в виду, что дневник писался в суровых полевых условиях, в перерывах между кровопролитными боями на подступах к Полоцку. Немцы очень упорно обороняли город, поэтому не было возможности не только для обстоятельного изложения многих эпизодов, но даже для того, чтобы отметить некоторые из них хотя бы вскользь. По-видимому, сказалось и то, что автор дневника, еще до этих событий под Полоцком, в течение шести месяцев находился на фронте, поэтому даже некоторые яркие, экстремальные с точки зрения гражданского человека, фронтовые события перестали ему казаться заслуживающими специального описания или даже упоминания. Наконец, следует учесть, что дневник был написан девятнадцатилетним, неопытным, с современной точки зрения, в писательских делах юношей.

Писал я простым карандашом на страницах специального блокнота «Академия наук СССР», который мне дала мама, провожая меня на фронт. Она тогда работала в системе Академии наук СССР в качестве научного сотрудника Полярно-альпийского ботанического сада. Блокнот чудом уцелел после моего тяжелого ранения, и я его до сих пор бережно храню, хотя текст, написанный карандашом, спустя 65 лет еле-еле прочитывается.

В заключение хочу сообщить, что на фронт, в район кровопролитных и поначалу мало успешных для нас боев за Витебск, я прибыл в первых

Фронтовой дневник младшего лейтенанта Б. Б. Вартапетяна
Хранится в личном архиве автора

Курсант Велико-Устюгского военно-пехотного училища
Б. Б. Вартапетян
Фото 1943

числах января 1944 года после окончания Велико-Устюгского военно-пехотного училища¹. В звании младшего лейтенанта я был назначен на должность командира минометного взвода и командирован на I-й Прибалтийский фронт. Моё участие в боевых действиях началось в составе 353-го стрелкового полка в должности офицера связи при 47-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии. Таким образом, ко времени освобождения Полоцка я был уже опытным, обстрелянным, фронтовым офицером, хотя мне было только девятнадцать лет.

Хочу напомнить, что описываемые фронтовые события относятся ко времени, когда проводилась блестящая операция «Багратион» по освобождению Белоруссии. Мне посчастливилось участвовать в ней десять с половиной

¹ В начале 1943 года, так и не дав окончить школу, всех мальчиков нашего 10-го класса призывали в армию, направив учиться в военные училища.—
Примеч. авт.

суток. К началу этой грандиозной операции, а началась она 23 июня 1944 года в 4 часа утра, я был уже в окопе, вырытом на высоте. Вдруг пошел массированный, продолжавшийся несколько часов, обстрел немецких позиций нашей артиллерией, минометами, реактивными установками катюша. За шесть месяцев пребывания на фронте мне не приходилось видеть ничего подобного.

Итак, 2 июля 1944 года в дневнике отмечено, что я был направлен «поднять пехоту (148-й стрелковый полк) в атаку», чтобы освободить деревню Струню, которая усиленно оборонялась немцами. Деревня эта близко примыкала к Полоцку, а в настоящее время она почти сливается с городом. Нужно было непременно выбить немцев из этого населенного пункта, прежде чем наша 47-я стрелковая дивизия, входившая в состав 4-й ударной армии, могла бы начать штурмовать город. Ожесточенно обороняя эту деревню, немцы вели такой массированный огонь, что командиру 148-го стрелкового полка полковнику Ковнерову, очень заслуженному и опытному командиру, никак не удавалось поднять бойцов в атаку, чтобы отбросить немцев и освободить этот населенный пункт.

2 июля меня направили в сторону деревни Струня, на подступах к которой залег 148-й стрелковый полк. На нашем участке было относительно спокойно, поэтому я шел во весь рост. Но вскоре немцы меня заметили и открыли интенсивный пулеметный огонь. Я сразу же упал и довольно долго лежал, прижавшись плотно к земле и укрыв в воронке голову, чтобы защитить ее от пуль. Было ясно, что в любую секунду для меня все могло кончиться. Я долго не двигался. Через какое-то время немцы, видимо, решив, что со мною покончено, перестали стрелять. Я только этого и ждал: вскочил и бегом бросился к боевым порядкам 148-го

Мама Б. Б. Вартапетяна на берегу р. Струнки, возле того места, где ее сын 2 июля 1944 года перешел эту речку вброд, направляясь в 148-й стрелковый полк поднять солдат в атаку
Фото 1984

стрелкового полка. Видимо, это было так неожиданно для немцев, что они не успели снова открыть по мне стрельбу. Передвигаясь короткими перебежками, местами ползком, я неожиданно оказался перед какой-то небольшой рекой², которую сразу же, не раздеваясь, перешел по пояс в воде.

Это описывается и в моем дневнике:

Ползком, перебежками добрался до реки, перешел ее во всем по пояс в воде. Нашел командира полка, он уже находился в боевых порядках. Несколько раз сыграла катюша, неплохо дала и артиллерия. Пехота пошла, деревней Струней полностью овладели.

Далее я писал в блокноте о том, что в деревне Струня я взял в качестве трофеев немецкий велосипед и буханку хлеба. При этом я не касался того, почему я это сделал, и у некоторых читателей эти строки дневника могут вызвать удивление: зачем боевому офицеру

² Имеется в виду р. Струнка, правый приток Западной Двины.

брать в качестве трофея велосипед?! А между тем, велосипед я взял для того, чтобы как можно быстрее доложить командованию об освобождении этого стратегически важного населенного пункта!

Интересно, что с этим велосипедом тесно связан один из самых счастливых моментов моего шестимесячного пребывания на фронте, который я пережил накануне самого трагического события в моей жизни, происшедшего 3 июля 1944 года, в день, когда мы начали штурм Полоцка.

Решив доложить командованию о том, что задание выполнено, т. е. деревня Струня нами занята, я помчался на трофейном велосипеде в направлении тыла, к месту, где находился наблюдательный пункт командования, по шоссеной дороге Полоцк—Витебск, которая проходила через деревню Струня. Шоссе, как и железная дорога, было немцами основательно разрушено. Вот как я описывал это 1 июля 1944 года в дневнике:

Противник бежит, но не паническое это бегство. Я шел по железной дороге Витебск—Полоцк, она

Спустя 65 лет опять
в деревне Струнье
с сыном Андреем,
Фото 4 июля 2009

разрушена с немецкой аккуратностью: через каждые 2—3 метра взорвана, а как разворочены мосты и по железной дороге, и по шоссе. Слева — р. Западная Двина, мы наступаем у самой реки.

Навстречу мне, в направлении деревни Струня, шли открытые груженные грузовики с вооружением, солдатами, медицинскими работниками. Тогда я понял, что командование каким-то другим путем уже информировано о взятии Струни, раз машины в таком количестве помчались в направлении этой деревни.

А теперь настало время пояснить, почему этот день стал одним из счастливых в моей, и не только фронтовой, жизни. Дело в том, что когда я мчался на велосипеде в еще влажной, после преодоления вброд реки, одежде, водители встречных автомашин нажимали на гудки в знак приветствия, в некоторых из них сидели молодые девушки — военные медики, и они, понимая откуда я несусь (да еще на велосипеде!), ак-

тивно меня приветствовали криками и взмахами рук. Я был, конечно, счастлив и, воодушевленный таким неожиданным для меня вниманием, крутил педали с еще большим азартом.

Прежде чем перейти к изложению последующих драматических событий, я коснусь еще одного трофея, взятого мною в Струни и также упомянутого в дневнике. Наряду с велосипедом, я писал, что взял буханку немецкого хлеба. Почему? Как продукт питания хлеб этот не представлял тогда особого интереса, так как на фронте нас кормили неплохо, конечно, по меркам военного времени. Немецкий хлеб меня заинтересовал тем, что был очень аккуратно упакован в целлофановую оболочку, чего у нас тогда еще не было. Я взял одну буханку, чтобы показать эту новинку моему фронтовому другу Мише Волкову, о котором я расскажу чуть позже.

Начался тот самый, трагический для меня, день 3 июля 1944 года. Воспользовавшись тем, что перед штурмом Полоцка на нашем участке наступило

некоторое затишье в боях, а также прекрасной солнечной погодой, я решил устроиться где-нибудь в укромном месте, чтобы раздеться и просушить на солнце свою одежду и сапоги, так как они были все еще сыроваты. Я нашел скрытое от посторонних глаз место и, полностью сняв с себя одежду, сапоги, портянки, разложил их на солнце и сам, обнаженный, с удовольствием грелся под его лучами час-полтора. Предаться такому блаженству на фронте удавалось (если удавалось!) довольно редко, в особенности, когда шли активные боевые действия. Тем более, что тогда, даже в летнее время, белорусская погода не всегда нас баловала. О чем свидетельствует, в частности, запись, сделанная мною в дневнике за четыре дня до этих событий:

За ночь противник отступил километров на 6—7. Ночь прошла неважно, с Лебедевым лежали на соломе под проливным дождем...

Убедившись, что все успело более или менее высохнуть, я стал одеваться. Затягивая ремень, вдаль заметил начальника разведки нашей дивизии, который меня хорошо знал как офицера связи. Он пальцем дал мне знак, чтобы я подошел, и затем объяснил мне, что с левого берега Западной Двины, где должна наступать на Полоцк 51-я гвардейская дивизия, в боевые порядки нашей дивизии (которая наступала вдоль правого берега Западной Двины) летят снаряды. При этом наше командование не может понять, кто это стреляет, — немцы или артиллеристы 51-й гвардейской дивизии, которые, не зная, что во время наступления наша дивизия вырвалась вперед к Полоцку, принимают нас за немцев. Нашему командованию никак не удавалось связаться с командованием 51-й гвардейской дивизии. Надо было выяснить обстановку на другом берегу Запад-

ной Двины. Поэтому, в соответствии с приказом командира дивизии, мне предстояло переправиться на другой берег Западной Двины вместе с бойцами из роты разведки, которые вот-вот должны были подойти, с тем, чтобы выяснить там обстановку, и, если это стреляют наши, то остановить их. Во фронтовом дневнике это изложено следующим образом:

3.07.1944. Ночь провел в враге под городом [Полоцком], было холодно, я не успел высохнуть. Всю ночь играли «катя» и «мудищев». Готовимся к штурму Полоцка. У врага есть доты и дзоты. Немец взорвал третий мост через Двину. В полдень дали сильную артподготовку, пошла пехота. Бои идут в предместьях города. Комдив дал боевое задание мне: с тремя разведчиками любым путем пробраться на левый берег Западной Двины, доложить свою обстановку, узнать их (т. е. левого соседа). Я подошел к реке. К счастью там была лодка, но вражеские пулеметчики и снайперы к ней не подпускали...

Помимо неопределенности и потенциальной опасности в исполнении такого приказа командования, имелось еще одно обстоятельство, которое сразу же меня несколько встревожило: нам предстояло на виду у противника переправиться через очень широкую реку. Для меня это было серьезной неприятностью, поскольку я тогда не умел плавать, по причине того, что, начиная с детства, я трижды тонул. Первый раз это случилось на Черном море, когда я был школьником младших классов и отдыхал с мамой и старшим братом в Абхазии, в городе Гудаута. Второй раз тонул на Кольском полуострове, когда плавал с товарищами в прохладном заполярном озере Большой Вудъявр. Наконец, в третий раз я еле спасся

на реке Онеге во время учебных занятий, будучи курсантом Велико-Устюгского военно-пехотного училища. Вот почему предстоящая операция несколько озадачила меня. Разумеется, обо всем этом, о чем я так спокойно и подробно сейчас говорю, начальнику разведки дивизии тогда не было сказано ни слова. Мне, уже опытному фронтовому офицеру, было очевидно, что при тех серьезных обстоятельствах мои проблемы, и связанные с ними переживания, имели бы для большого военного начальника несущественное значение и, скорее всего, вызвали бы лишь улыбку на его лице.

Итак, получив приказ и ожидая прибытия разведчиков, я стал искать где и на чем переправиться на другой берег широко разлившейся Западной Двины. Спустившись к реке, увидел на берегу какую-то лодку и подошел к ней в надежде использовать ее для переправы. Однако тут же меня заметили с другого берега немцы, и началась стрельба, в том числе и снайперов, вынудившая меня бегом покинуть это место. Было очевидно, что нужно искать более безопасное место для переправы. Но прежде чем описать дальнейшие события, я хочу коротко рассказать об одном эпизоде, который покажет читателю, что, хотя пишущий настоящие строки был в то время уже зрелым фронтовым офицером, тем не менее, ему, девятнадцатилетнему парню, даже в столь опасных и ответственных ситуациях не были чужды некоторые юношеские шутки и шалости.

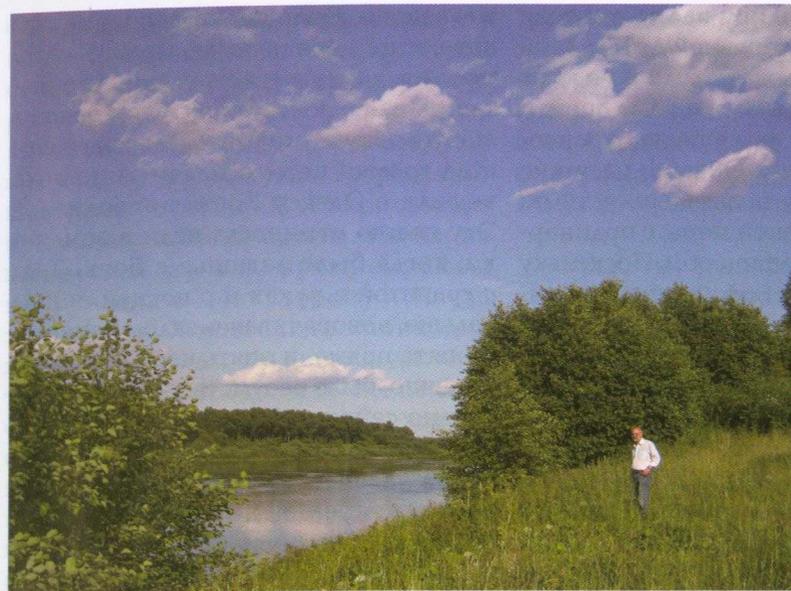
Как было уже отмечено, когда я подошел к лодке и тут же почувствовал выстрелы снайперов в моем направлении, я быстро покинул это место. Отбежав на некоторое расстояние от лодки и взобравшись на высокий берег, я вдруг заметил рядом одиночный, довольно глубокий окоп, на дне которого валялась саперная лопата. Я прыгнул в окоп, взял саперную лопату и, сняв

с головы пилотку, надел ее на лопату и стал разыгрывать немецкого снайпера, выставляя на вытянутой руке над моей головой лопату с пилоткой.

Ни одна пуля в пилотку не попала... Но пора было завершать эти игры, так как к приходу разведчиков мне нужно было найти место для переправы и, главное, то, на чем можно было бы это осуществить. И я, найдя такое место в нескольких сотнях метров, где также оказалась брошенная лодка, стал ждать разведчиков.

Вскоре подошли три бойца из роты разведки дивизии, один из которых оказался секретарем парторганизации. По-видимому, командир разведроты, узнав о предстоящем ответственном задании, решил подкрепить разведчиков партработником. Надо отметить, что бойцы разведывательной роты дивизии — это отборные, самые боеспособные ребята, которые часто не участвуют в обычных боевых действиях, т. к. командование их бережет для более ответственных операций.

Итак, мы сели в лодку, которая была повреждена в нескольких местах, и отплыли от правого берега Западной Двины. Так как весел ни в лодке, ни возле не оказалось, то два разведчика гребли подобранными досками, а третий непрерывно вычерпывал воду консервной банкой. Я же сидел на корме лодки и внимательно наблюдал за кустарником на берегу, к которому мы направлялись. Удивительно, и я до сих пор над этим иногда задумываюсь, почему при столь неопределенных и, казалось, опасных обстоятельствах, у меня во время выполнения этого задания было необычайно приподнятое настроение. Я все время старался шутить с разведчиками, чего никогда со мной не бывало прежде. Теперь я склоняюсь к тому, что моя немного показная веселость была вызвана тем, что я чувствовал какую-то тревогу со стороны разведчиков, и вполне

Сын Андрей на левом берегу Западной Двины вблизи Полоцка, куда 3 июля 1944 г. пристала лодка с разведгруппой Б. Б. Вартапетяна. Фото 4 июля 2009

обоснованную. Действительно, если бы в кустах на том берегу, к которому мы плыли, был хотя бы один немецкий автоматчик, то он всех нас перестрелял бы еще до того, как мы пристали бы к берегу. Я это понимал не хуже разведчиков, однако, по-видимому, желая поддержать свой командирский статус, я таким образом пытался немного разрядить обстановку.

Как будет видно из дальнейшего изложения, когда мне приходилось выполнять боевые задания при аналогичных обстоятельствах, все было как раз наоборот. Я в таких случаях был в напряженном и даже в тревожном состоянии, так как в любой момент можно было ожидать трагического развития событий. Более того, однажды при выполнении задания возле деревни Дятлы, я был в таком ужасе, что все тело дрожало. Я изложу этот эпизод более подробно, чтобы читателю было понятно, что меня, как и любого здравомыслящего человека, особенно в таком молодом возрасте, в каком я был тогда, смертельно опасные ситуации не только не приводили в сколько-нибудь

беззаботное или веселое настроение, а скорее наоборот, вызывали состояние высшей степени тревоги и собранности. Правда, случилось это в самом начале моей фронтовой жизни, когда у меня еще не было опыта пребывания в таких экстремальных условиях.

... Наша дивизия занимала позиции в северной части Белоруссии на границе с Россией. Наступательных боевых действий тогда не велось, шли бои местного значения. Дивизия рассредоточилась от деревни Чайки, вблизи которой была и моя землянка, до деревни Дятлы и далее. Я знал, что командиры двух соседних частей нашей дивизии никак не могли договориться о том, кому и как из них расположиться в районе деревни Дятлы. В результате на стыке этих частей приличный участок оставался без прикрытия с нашей стороны, и немцы могли в этом месте, не встретив никакого сопротивления, легко проникнуть к нам.

Однажды я получил задание доставить запечатанный конверт, на котором было написано «Совершенно

секретно», командиру части, которая располагалась за деревней Дятлы. Мне нужно было следовать туда ночью от деревни Чайки, и я должен был пройти как раз через тот, все еще не охраняемый нами, участок. Обычно на такие задания офицеру полагалось идти не одному, а по крайней мере, с ординарцем или с другим офицером. Поскольку был поздний час и мой ординарец Бондарь уже спал крепким сном, я решил, что не буду его будить, пойду один. Заткнув за пояс две ручные гранаты, как обычно я делал в подобных случаях, направился выполнять задание.

Покинув Чайки, я чувствовал себя вполне спокойно. Однако по мере того как я шел по тропинке в направлении деревни Дятлы, меня стало одолевать беспокойство. Через некоторое время мне уже не только было неспокойно, но я почувствовал тревогу. Кругом была темнота и абсолютная тишина. Справа и слева — кустарник. Уже я близок к деревне Дятлы, вступаю в те места, где, я знаю, нет нашего прикрытия, и в любой момент немцы могут схватить меня или убить и при этом еще заполучить конверт совершенно секретного характера. С каждым шагом настоящий ужас охватывал меня. В какой-то мере это было вызвано еще и тем, что тогда действовал приказ Сталина, согласно которому попадание в плен к немцам расценивалось как предательство. Соответственно наказывались и члены семьи того, кто, хотя и не по своей вине, оказался в плену. Я четко представлял себе, что если даже немцы меня не убьют, а стукнут сзади из кустов или зажмут сразу рот, чтоб я не подал голоса, и схватят в плен, то моя мама из-за меня окажется на Колыме и там погибнет. Дул ветер, и ветви деревьев и кустов колыхались на фоне неба. Из-за моего тревожного состояния я иногда принимал их за прятавшихся за кустами и деревьями немцев. Мне становилось все страшнее

и страшнее. Было такое ощущение, что вот-вот на меня нападут сзади. В один момент, я был в таком ужасе, что вытащил из-за пояса гранату, готовясь в любую секунду пустить ее в ход, а сам стал громко петь: «Шаланды полные кефали в Одессу Костя приводил...». Эту песню мы иногда пели в землянке, когда было затишье в боях. Так, с гранатой в руках и с песней, я шел дальше, поворачиваясь задом наперед, и опять прямо, и опять наоборот. Это, конечно, было безумство, которое мне трудно сейчас объяснить, почему при таких, казалось, опаснейших условиях я вдруг нашел в громкой песне способ самоуспокоения. Такого никогда не было со мною ни до этих событий, ни после. Меня, наверное, может понять лишь тот, кто хоть однажды в жизни испытал действительно смертельную опасность.

В абсолютной тишине мне чудилось время от времени, что кто-то впереди прячется в кустах, но я должен был продолжать свой путь по этой тропинке, чтобы выполнить задание командования. Таким образом я преодолел деревню Дятлы. Дальше понемногу стал успокаиваться, так как самая опасная часть пути была пройдена.

Наконец, я достиг цели, передал секретный пакет и отправился в обратный путь по той же тропинке. Избы в деревне Дятлы, как и во многих других белорусских деревнях, в которые мы вступали, были полностью сожжены немцами. Никого из жителей в деревне не было. Начиная обратный путь, я был относительно спокоен, но по мере приближения к деревне Дятлы, меня охватывало все усиливающееся беспокойство. Я пристально следил за левой, «немецкой», стороной. Поглядев вправо, хотя и было довольно темно, я, к своему ужасу, увидел, что у обгоревшей избы стоит немец с вытянутой в мою сторону рукой. Вот-вот должен был грянуть выстрел, я мгновенно

бросился на землю, рванул гранату из-за пояса, схватился за чеку, чтобы ее выдернуть и бросить гранату в сторону врага. Однако выстрела не было, хотя рука по-прежнему была вытянута в мою сторону. Секунда, вторая... нет выстрела. Что такое?! Я весь сжался, но гранату пока не бросал. Немец не шевелился, рука по-прежнему была направлена в мою сторону... Пауза затянулась. Я постепенно приходил в себя и понимал, что происходит что-то странное. Продолжая следить за фигурой с вытянутой рукой, я вскоре стал сомневаться, что это немец, так как поза его оставалась неподвижной, выстрела не было. Я встал. Выстрела не последовало. Я осторожно приблизился к «немцу». И что же оказалось?.. Это был вовсе не немец! У сгоревшей избы пострадало также и дерево, кажется, яблоня. Она вся сгорела, кроме толстого ствола в рост человека и одной ветки, которая и была направлена в мою сторону. В крошечной темноте, когда все мои мысли и воображение были сосредоточены в определенном направлении, я принял это дерево за фрица, поскольку все это происходило на том месте, где немцы действительно могли оказаться.

Этот эпизод был, пожалуй, единственным подобным случаем не только за период моего шестимесячного пребывания на фронте, но и последующей жизни. Таких эмоциональных потрясений я больше не испытывал, хотя в оставшиеся мне месяцы пребывания на фронте приходилось неоднократно переживать довольно острые моменты.

«Приключения» у деревни Дятлы не прошли для меня бесследно: вскоре после этих событий, когда представилась возможность побриться, используя при этом зеркало, я заметил у себя в прическе первые седые волосы. Мне тогда было лишь 18 лет, и моя фронтовая жизнь только начиналась.

Я специально рассказал здесь об этом эпизоде, чтобы показать, что мне не чужды были чувства естественные и характерные для любого нормального человека, когда он сталкивается с реальной опасностью для жизни. Жить хочется каждому...

Итак, мы благополучно переправились через Западную Двину и вытащили лодку на берег. Далее, как это описано в дневнике, мы пошли в направлении, которое, мне казалось, должно было привести нас в расположение боевых порядков 51-й гвардейской дивизии. Вскоре мы заметили небольшие деревянные дома (как потом я узнал от полочан, эта была окраина города Полоцка, которая называется Коровники), а перед ними — натянутую колючую проволоку. Подойдя ближе, я обратил внимание, что проволока отличалась от нашей: она была плотно усажена колючками. Мы поняли, что части 51-й гвардейской дивизии сюда еще не подошли, иначе это немецкое проволочное ограждение было бы смято и отброшено. Не было видно ни немцев, ни местного населения. Я решил выяснить ситуацию по ту сторону проволочного ограждения. С одним разведчиком мы с трудом преодолели «колючку». Двух других бойцов оставили в прикрытии, приказав им внимательно следить за нами и в случае необходимости самостоятельно открыть огонь, чтобы нас защитить. Проникнув в город и не обнаружив ни немцев, ни жителей в этой части Полоцка, я вызвал двух других разведчиков, и мы стали заходить в дома, но и там никого не было. Мы медленно продвигались между домами, заходя в некоторые из них и никого не заставая. Я сейчас помню, что в одном доме, куда мы зашли, был огромный чугунный котел; другое строение больше было похоже на маленькую теплицу, потому что там росли кусты огурцов,

на которых было много плодов. Видимо, огурцы выращивали в теплице немцы или для немцев. Мы с разведчиками даже сорвали несколько штук. Два-три огурца я сунул в карманы для своего друга Миши Волкова. По-прежнему никого не было видно кругом — ни местных жителей, ни немцев. Не было и стрельбы. Мы немного успокоились, решив, что немцы оставили эту часть Полоцка, и шли уже не скрываясь. Все же нас вскоре заметили не только немцы, но и свои, так как в нас полетели снаряды с обеих сторон. Мы быстро покинули эту часть города.

Описанные выше события на левом берегу Западной Двины были внесены мною в дневник, когда я лечился после ранения в госпитале в городе Александрове. В первоначальном варианте эти события были отражены в дневнике следующим образом:

19.08.1944 г. Ивановская обл.

г. Александров, госпиталь 1505.

3.07.1944 (продолжение) я выбрал переправу в метрах 500—600 от лодки. Противник вел туда неприцельный огонь. Мы сели в лодку, пробитую в нескольких местах, и отплыли от правого берега к левому, где нас ожидала неизвестность. Даже командование не знало, кто на левом берегу — наши или немец.

Мы на левом берегу! Я решил сам разведать и уточнить передний край соседней дивизии [51-й гвардейской стрелковой дивизии]. У местного населения узнал, что немец вчера оставил эту деревню, находится в следующей деревне, где у него есть «бункера». Я решил незаметно подойти к деревне, но меня отговорили мои разведчики. Деревню обошли слева, и вышли к городу [Полоцку]. Перед нами была нетронутая проволока. Я оставил 2-х разведчиков в сторо-

не, приказав следить за мной и при необходимости открыть самостоятельно огонь. Сам с одним разведчиком проник в город; немцев там не было видно, я вызвал 2 других разведчиков. Тут нас заметили — наши и немцы. Полетели снаряды с обеих сторон, особенно точно бил фриц.

Покидая Коровники, мы заметили два наших подбитых танка. Возле них никого не было. Я подумал, что танкисты могут находиться внутри раненные или оглушенные, и поэтому решил подойти к танкам с тем, чтобы помочь экипажу, если будет необходимость. Стрельбы уже не было, мы шли во весь рост, не скрываясь, и в этом была наша роковая ошибка. Как оказалось, немцы были совсем близко от нас, или скорее мы находились рядом с немцами. Они следили за нами, и подпустив к заранее пристреленным ими танкам, выстрелили. Снаряд разорвался близко от нас. Два разведчика и я были тяжело ранены. У одного из бойцов, как стало известно позже, осколок снаряда застрял в легких, у другого — повредил печень. Я был тоже тяжело ранен, может быть даже еще тяжелее, чем разведчики, так как шел впереди и оказался ближе к разорвавшемуся снаряду. У меня осколком насквозь была пробита грудь и вырваны мышцы бицепса одной руки. Еще три осколка торчали в тазобедренной области. Но самое опасное было, конечно, проникающее сквозное ранение груди. Воздух перестал поступать в легкие, несмотря на все мои усилия сделать вдох, с кровавыми пузырями он выходил не из моих дыхательных путей, а из пробитой части грудной клетки, я задыхался. К счастью, этот кошмар продолжался, по-видимому, одну-две минуты, иначе все было бы кончено. Затем, не понятно почему, мое дыхание восстановилось, хотя фонтан крови, бивший из моего

широко раскрытого рта сразу же после ранения, еще довольно долго не переставал меня обескровливать. Любопытно, что в такой трагической ситуации мне вспомнилось, как в девятом классе, когда проходили анатомию и физиологию человека, из учебника я узнал, что в человеческом организме около трех литров крови. Между тем, мне казалось, что из меня вытекло крови уже значительно больше, и она еще продолжала фонтанировать из моего рта, а я еще что-то соображал. Кошмарное состояние, в котором мы находились, невозможно передать никакими словами.

Мы истекали кровью в буквальном смысле этого слова. Не было никакой помощи. Немцы прекратили стрельбу, по-видимому, будучи уверены, что с нами покончено, так как в тяжелом состоянии мы лежали неподвижно. Сравнительно долго никто к нам не подходил, и мы продолжали медленно умирать.

Через некоторое время я заметил какое-то шевеление в траве неподалеку и вдруг увидел рыженькую девочку с медицинской сумкой, которая, прижимаясь к земле, ползла по-пластунски в нашем направлении. В отличие от нас, когда мы подходили к танкам, она, ясно представляя себе угрожавшую ей смертельную опасность. Вначале она подползла ко мне и, стараясь остаться незамеченной для противника, чуть приподняв меня, стала бинтовать мою грудь, даже не сняв с меня гимнастерку. Хотя она все это делала почти лежа, не поднимаясь, немцы все же заметили ее, а может быть и меня. Опять снаряды полетели в нашу сторону. Девочка очень испугалась. Я помню ее слова, когда она пыталась спрятаться от осколков под танком: «Дайте мне залезть. Если меня убьют, то и я погибну, и вы погибнете». Эти ее слова остались в моей памяти на всю жизнь. Перевязав разведчиков, девочка нас покинула.

Помнится, через какое-то время появилась группа из 10—15 военных

ребят. По-видимому, это были разведчики 51-й гвардейской дивизии. Ребята, окружив нас, смотрели грустно и молча, видимо, хорошо понимая, что подобное в скором будущем может ожидать и их. К этому времени я уже потерял много крови и это, видимо, вызвало у меня нестерпимую жажду. Пить хотелось невыносимо. Я обратился к ребятам с просьбой принести воды, подсказав при этом, что недалеко от нас есть родничок, который мы заметили еще раньше, до ранения. Однако на мою просьбу никто из них не отреагировал. Я просил безрезультатно еще и еще раз, и опять то же самое. Тогда я обратился к ближайшему ко мне бойцу лично. Вместо ответа он повернулся и пошел. Я думал, что вот-вот он принесет мне воды, однако я его больше не видел. Вскоре все они покинули нас.

Такое странное, на первый взгляд, поведение этих бойцов, стало мне понятно лишь много позже, но не тогда, когда я изнывал от страшной жажды. Дело в том, что ребята эти поступили абсолютно правильно с точки зрения медицины. Если бы они дали мне попить, то в ситуации, когда у меня были повреждены внутренние органы, это могло бы сильно ухудшить мое состояние. Помочь нам они также, конечно, не могли, так как должны были выполнять определенное задание во время штурма Полоцка.

От ранения и потери крови я стал терять сознание. Последнее, что еще помню, — это внезапное появление под вечер третьего разведчика, секретаря парторганизации разведроты дивизии, который, видимо, последним шел за нами и поэтому не был поврежден осколками снаряда. Помню, что он подошел и пожал крепко мою руку, затем наклонился и поцеловал меня в лоб. Хотя я был еще не умудренным жизненным опытом человеком, и к тому же находился на грани потери сознания, тем не менее, я догадался,

Вера Николаева
Медсанбат 51-й гвардейской дивизии. 1944

что означал этот его, в данном случае неуместный, жест, поскольку он был сделан в отношении живого человека.

Когда я лечился после ранения в военном госпитале, мой друг Миша Волков сообщил мне³, что этот разведчик вернулся невредимый и информировал командование дивизии об обстановке на левом берегу Западной Двины и о нашем ранении. Возможно, это послужило основанием для представления меня к ордену Отечественной войны и к повышению в звании.

Позднее, когда нас подобрали и отвезли в медсанбат 51-й гвардейской дивизии, я уже был в беспамятстве.

³ См. письмо М. П. Волкова на с. 25.

Помнится, что лишь на мгновение пришел в себя, когда нас подвезли к медсанбату, который располагался в деревенской избе. Тогда я увидел, что вокруг дома, видимо, в ожидании своей очереди на операционный стол, сидело и лежало на земле очень много раненных бойцов с забинтованными руками и ногами, у многих были перевязаны грудь или голова.

Через три дня я пришел в сознание. Военфельдшер Верочка, которая ухаживала за мною в течение первых десяти, самых тяжелых, дней, а также участвовала в хирургической операции, которую мне сделал в этой же деревенской избе военный хирург, — рассказала некоторые подробности моего спасения. Когда меня подобрали и доставили в медсанбат, то тут же сказали хирургам, что привезли очень тяжело раненного, в бессознательном состоянии, офицера. Поэтому сразу же, вне очереди, меня подожгли на операционный стол. Военный хирург долго возился со мной. Я не приходил в сознание. Как безнадежного, меня хотели снять с операционного стола, так как раненных, ожидавших операции, было очень много, ведь шел штурм Полоцка. И только по ее, Верочки, настоянию хирург продолжал еще что-то делать со мной. Пришел я в себя, как я уже отметил, только через три дня и сразу же поинтересовался у Верочки судьбой города Полоцка.

У меня действительно было серьезное ранение, в особенности в грудь, по видимому, большим осколком, так как два ребра были переломаны, отбит угол лопатки. Во время одной из перевязок я услышал разговор врачей между собой: «Обезображивающее ранение грудной клетки размером 20 на 9 сантиметров». В медсанбате я находился в течение десяти дней под наблюдением главным образом Верочки Николаевой, которая была очень внимательна ко мне. Тяжело раненного, она перенесла

Александров, Ивановская обл.
Воинская часть 976 п/я 26
Вартапетян Борису Багратовичу

Полевая почта 33541А. Волкову М. П.

29 августа, вторник, 1944 г.

Здравствуй, Боря! Здравствуй, дорогой друг мой, я все это время, начиная от 4-го июля и по сей день, ждал от тебя писем, но никаких известий от тебя не было, кроме тех, которые я получил от разведчика и от врача медсанбата 51-й дивизии (ведь я был в этом медсанбате специально для того, чтобы узнать о тебе что-либо более достоверное и убедительное). Я знал, что ты ранен и ранен тяжело, и все время волновался за твое здоровье. А особенно меня напугал разведчик, сказав, что у тебя сразу пошла кровь горлом. И я очень боялся за твою жизнь и все глумил о твоей матери. Известие о твоём ранении было сообщено мне на марше (за Полоцком, мы шли в Литву). Я очень горевал о твоём состоянии по поводу твоего несчастья и написал страничку в своем дневнике с маленьким стихотворением. Вот оно:

В этот день, когда пал Полоцк,
Я шел через него впервые,
Я глумал, что увижу в нем тебя
И расскажу тебе о многом...
И вот я слышу ранен ты —
Какою болью сжалось сердце,
Как стало пусто на душе,
Как тяжело и горько!
Одно желанье у меня:
Чтоб поправлялся ты быстрее,
И написал бы мне скорее,
Как, друг мой, чувствуешь себя.

И вот я ждал, ждал до того, что отчаялся ждать. Твоей маме и тете (в Ереване) я сразу написал о твоём несчастье и затем второе письмо, в котором сообщил подробности твоего ранения, но, намеренно смягчив тяжесть его, чтобы не расстроить их окончательно. Они мне были благодарны. Сейчас я с ними переписываюсь. Мама твоя мне сообщила, что она получила от тебя письмо с поглысью Борис, но написанное не тобой (ты, видимо, попросил написать) и где ты сообщаешь о себе. Мне это известие влило в душу радость, а ей смятение — и она мне пишет: «Простите меня, но я сомневаюсь в правильности Вашего сообщения, что у него ранена левая рука (я писал, что ранена левая рука). Тогда почему же он не может писать?» Я написал тогда, что ты ранен в руку, в бок и грудь (как говорил разведчик), и написал, что посетил тот медсанбат, в котором ты был увезен, и говорил с доктором, который уверил меня, что ты будешь жив и поправишься.

Теперь, я думаю, ты сам ей подробно о себе напишешь. От нее, на твое имя, я получил два письма и взял на себя смелость их прочитать (прости за такую дерзость). В обоих письмах она жалуется тебе, что ты редко ей пишешь, что ты забываешь, что твоими письмами она только и успокаивается и просит тебя писать почаще. Сообщает, что получила твой (нарисованный мною) портрет, что на нем ты очень похож и прекрасно нарисован. Пишет, что их база разделилась на две: Комибаза и Кольская база, и что ее (в числе 5 чел.) оставили в Коми до окончания полевых работ. Есть еще письма от Розы М. Ишхановой, от Назарян А. А. (пол. почта 70659), от бабушки, от Ляли Заб... и от твоего товарища (Ганицина?) Ивана (г. Москва, ст. Вешняки, ЦШИСД, литер В). Все их тебе я высылаю. Ляле я написал, что ты ранен и послал розы (помнишь, нарисовал я тебе) с небольшим стихком (прошу простить за такую вольность). Стихи такие:

Эти нежные розы
Я приношу тебе в дар,
Пусть напомнят наши беседы...
С тобой я встречусь, я знаю,
Когда будет весь мир ликовать.
Я протяну тебе руку дружбы
И сердце отдам для любви.

У нас в нашей жизни есть новости: из старых офицеров остались только Ганелин, Машевский, Молоденков, Поганялов. Митряшин убит при бомбежке, во время передвижения корпуса. Ему оторвало ногу по самый пах, и он через 2 часа умер. Щепетков в полку. Шеменив 27 августа упал с лошади и переломил себе ключицу и два ребра. Увезен в госпиталь. Остальные живы и здоровы. Все офицеры тебе шлют большой поклон и желают тебе скорее выздоравливать. Они очень тебя жалели. Я живу все по-старому.

Одновременно тебе высылаю письма, рисунки и поэму в двух конвертах заказ. письмами. Пиши, друг мой, ты знаешь, как радуют письма. Я тебе еще напишу в скором времени.
До свидания. Жму руку.

Письмо М. П. Волкова Б. Б. Вартапетяну. 29 августа 1944

Б. Б. Вартапетян
с мамой, Сирануш
Месроповной
Военный госпиталь
Фото 1945

меня в свою маленькую комнату, где ухаживала за мной как за младенцем, пока я не стал транспортабелен, и меня отвезли в город Полоцк. Прощаясь со мной, когда меня на носилках переносили солдаты в санитарную машину, в которой меня должны были увезти в Полоцк, Верочка положила под мою голову свою маленькую подушку и подарила свою фотографию с надписью: «Боря, вспомни, кто за тобой ухаживал в м.с.б. 62, П.П. 25697ж. Николаева Вера Н. 12.7.44.» Эту фотографию Верочки я до сих пор бережно храню.

После войны я приложил много усилий, чтобы узнать о судьбе Верочки. Мне очень хотелось пригласить ее в Москву, чтобы оказать ей должное внимание в знак глубокой благодарности. К сожалению, этого мне не удалось. От одного из офицеров 51-й гвардейской дивизии, с которым я встретился в Полоцке после войны, я узнал, что медсанбат этой дивизии позднее попал под массированный обстрел немецкой артиллерии и многие при этом погибли.

В Полоцке я продолжал еще лечиться некоторое время, лежа, по-

видимому, в спортивном зале какой-то школы, которая была превращена в лечебный медицинский зал, где лежало очень много офицеров и солдат, тяжело раненных при штурме города Полоцка, которые не были еще транспортабельными, чтобы их можно было отправить в глубокий тыл.

Из этого краткосрочного фронтowego пребывания в Полоцке, теперь уже в состоянии тяжелого ранения, мне до сих пор помнится маленький мальчик, который лежал вместе с мамой на соседней кровати в том самом большом зале, где находились несколько десятков раненных военных. Ему было четыре или, может быть, пять лет. Видимо, после освобождения Полоцка еще не успели организовать больницы для мирных жителей, так как в зале помимо нас, раненных военных, изредка можно было заметить кровати, на которых лежали явно гражданские лица. У этого мальчика не было обеих рук, а то, что осталось, — культя, были забинтованы. Хотя я был к этому времени уже много повидавшим фронтовиком и более десяти дней постоянно находился в медицинских учреждениях,

заполненных пострадавшими от войны солдатами и офицерами, тем не менее, я помню, что мой маленький сосед произвел на меня тогда очень тягостное впечатление, особенно, когда я увидел, что, не имея рук, мальчик не мог без помощи своей мамы даже пописать. До сих пор, когда я бываю в Полоцке по какому-нибудь случаю, и делюсь со своими собеседниками воспоминаниями о тех великих и трагических днях, то среди прочих военных эпизодов история этого бедного мальчика всегда производит на них сильное впечатление.

Поскольку основные события, описанные в моем фронтовом дневнике и дополненные настоящими записками, происходили в те самые дни, когда осуществлялась легендарная операция «Багратион», я хотел бы немного коснуться и этой операции.

«Багратион» — одна из блестящих военных операций в ходе Великой Отечественной войны. Я был ее свидетелем и участвовал в ней не только, когда она осуществлялась, но и на стадии ее подготовки, когда в течение длительного затишья в боевых действиях на фронт очень интенсивно поступали вооружения, а также пополнение, преимущественно солдатами, которые до этого не участвовали в военных действиях. Дивизия наша была тогда отведена от переднего края. Мы располагались в лесу и жили спокойной мирной жизнью в землянках. В нескольких километрах от фронта со вновь поступившими солдатами проводились активные учения, подготавливавшие их к предстоящим боям. В связи с этими учениями командование неоднократно направляло меня в различные подразделения дивизии для инспектирования. Наряду с моим блокнотом, о котором шла речь ранее, некоторые документы, связанные с этими заданиями, у меня также сохранились после ранения,

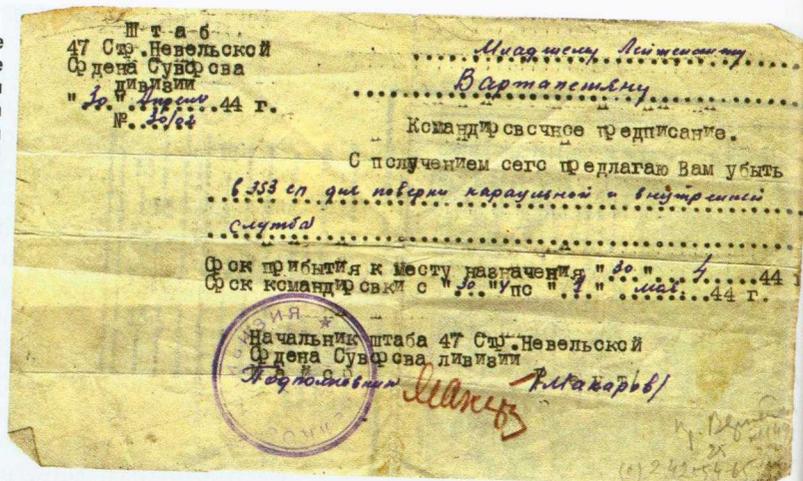
так как находились в том же самом блокноте.

Например, вот содержание некоторых из сохранившихся у меня командировочных удостоверений, которые я получал за подписью начальника штаба 47-й стрелковой дивизии: «С получением сего предлагаю Вам выбыть в 353 стрелковый полк для проверки учебных полей и стрельбищ» или «Предлагаю убыть в 353 сп для проверки караульной и внутренней службы». В другом документе, также относящемся к периоду, когда шла подготовительная работа к наступательным действиям, незадолго перед началом операции «Багратион»: «С получением сего предлагаю Вам отправиться в р-н д. Шапонки, Бачище и Слобода для несения комендантской службы».

У меня остался в памяти один очень поучительный случай, который произошел во время одной из таких командировок. Я был направлен командованием 47-й стрелковой дивизии в 353-й стрелковый полк, в котором в это время проводились учения со вновь поступившими солдатами, имитирующие наступательную операцию. Прибыв на учения, я направился к одному из батальонов. Солдаты должны были ползать по-пластунски, делать короткие перебежки, а также в лежачем положении выкапывать под собой саперной лопатой неглубокие окопы, чтобы защитить себя от осколков и пуль.

Когда я близко подошел к одной из рот батальона, бойцы которого пытались окопаться, то заметил, что один из ближайших ко мне солдат, огромный парень, и не думал окапываться, а просто лежал себе на земле, используя это время для передышки. Я подошел к нему. Он оказался из Средней Азии, по-видимому, не владел русским языком (тогда, в 1944 году, из-за нехватки рядового состава, прибывали

Командировочное
предписание
о направлении
мл. лейтенанта
Б. Б. Вартапетяна
в 353-й стрелковый
полк для проверки ка-
раульной и внутрен-
ней службы
30 апреля 1944

новобранцы из союзных республик, недавно мобилизованные, не владеющие не только военным делом, но и русским языком). Я сделал ему замечание, объяснив популярно, что если он и в настоящем бою будет так поступать, не защищая себя, то дело может кончиться плохо для него. После соответствующего внушения я тут же заставил его окопаться.

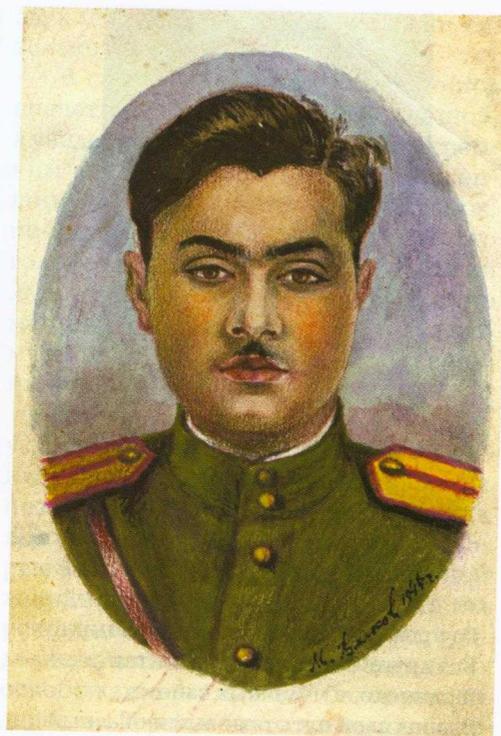
Разумеется, этот небольшой эпизод вскоре был забыт мною. Незадолго до начала операции «Багратион» командование опять направило меня в этот полк с аналогичной целью — проинспектировать действия подразделений этого полка в учебном наступательном бою. Прибыв в расположение полка, я стал следить за тем, как отдельные солдаты справляются с поставленной задачей: передвигаются перебежками и попластунски, окапываются и т. д. Когда я подошел к солдатам одной из рот, то вдруг заметил, что один из них, который лежал несколько в стороне, быстро отполз и спрятался в ближайших кустах. Это мне показалось несколько странным, и я решил выяснить в чем дело. К своему удивлению, я обнаружил в кустах того самого солдата из Средней Азии, которому ранее, при первой инспекции этого подразделения, я сде-

лал замечание. Дело оказалось в том, что, участвуя в учебной наступательной операции, он опять поленился окопаться. Теперь разговор с ним был совсем в других тонах, более характерных для фронтового офицера. После соответствующего нагоняя, я ему сказал, что если он так будет и дальше поступать, то погибнет в первом же бою.

23 июня утром, в четыре часа, началась операция «Багратион», в течение нескольких часов шла непрерывная стрельба из тысяч артиллерийских орудий, минометов и реактивных установок по немецким позициям. Разрывающихся снарядов, мин было такое количество, что мы не слышали отдельных разрывов. В воздухе стоял несмолкаемый, сплошной, гул от бесчисленных разрывов. Через несколько часов обстрел ближайших позиций противника прекратился. Стрельба артиллерии была перенесена в глубину обороны противника, и мы ринулись сразу вперед. К моему большому удивлению, после такого массированного артиллерийского обстрела, когда мы атаковали позиции немцев, они все же оказали довольно активное сопротивление. Пробегая мимо ближайших окопов, оставленных нашими солдатами, я заметил единственного убитого.

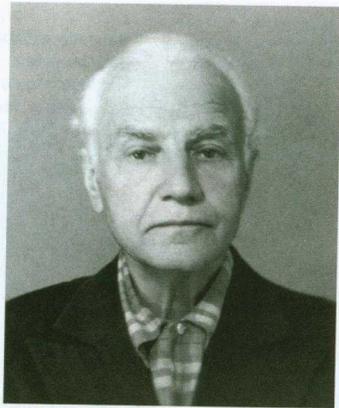
В нем я узнал того самого солдата из Средней Азии, которому я так и не смог внушить элементарные для фронтовика вещи. Оказалось, что он не только в учебном, но и в настоящем бою не счел нужным защитить себя, сделав соответствующее укрытие, тогда как другие солдаты, все без исключения, сделали. Итак, мое предсказание, к сожалению, сбылось. История с этим солдатом была окончена.

С первых минут операции «Багратион» начался новый отсчет и в моей боевой жизни. Хотя настоящие воспоминания, как было отмечено, касаются в основном последних двух дней моего пребывания на фронте, я не могу при этом не отметить некоторые другие события, а также не вспомнить моего фронтового друга, к несчастью, ныне покойного Мишу Волкова из Ярославля. Старший по возрасту, художник по профессии, интеллигент до мозга костей, с чисто провинциальными особенностями, он, конечно, чувствовал себя не очень уютно в суровой солдатской обстановке. Вероятно, именно поэтому я стал с интересом наблюдать за ним и относиться к нему более внимательно. Возможно, это объяснялось тем, что я сам также трудно привыкал к некоторым реалиям армейской жизни. С другой стороны, до призыва в армию, когда родители мои работали в системе Академии наук и мы жили на территории Полярно-альпийского ботанического сада, я много общался с людьми, близкими Мише по складу характера. Как я узнал позже, нечто подобное и он испытывал по отношению ко мне. Мы подружились. Миша хорошо рисовал и писал стихи, отражавшие в поэтической форме нашу прозаическую фронтовую жизнь. Некоторые из своих рисунков и стихов он дарил мне с соответствующими надписями. Иные из них, которые были вложены в мой сохранившийся фронтовой блокнот,

Б. Б. Вартапетян перед операцией Багратион
Рисунок Михаила Волкова. 1944

я до сих пор бережно храню. Возможность для творчества представилась ему в тот относительно длительный период, когда шла подготовка к операции «Багратион» и нас отвели от переднего края фронта. Мы стояли в лесу, жили в землянках. Поступало пополнение, и с ним велась активная учебная работа. Жизнь была почти мирная. В дивизии функционировал какой-то клуб, при котором был оркестр. Иногда вечерами под этот оркестр мы даже танцевали прямо в лесу. Ниже воспроизводится одно из стихотворений Миши, которое он написал 13 июня 1944 года, то есть за 10 дней до начала операции «Багратион». Стихотворение адресовано мне и записано Мишей в моем блокноте чернилами, тогда как все остальные записи делались мною карандашом.

Михаил Петрович Волков
Ярославль. 1977

ДРУГУ

В суровой жизни, в боевых походах
Без друга, без любви, без жизни
Я одиноко, в мелочных заботах,
Влачил свой путь тяжелый и опасный.
Но вот я встретился с тобою —
И встречу эту я благословляю,
И наши задушевные беседы,
Они мне душу оживили
И жизни чувство окрылили.
Мой друг, проснулась жизнь,
Порывы творческих желаний,
И светлый образ твой навеки,
Мне хочется запечатлеть на память...
Ты вспомнишь, как и я,
Землянку, лес, простую жизнь,
Веселья час, пред клубом танцы,
Когда ты танцевал под звуки
Танго и фокстрота.
Ты вспомнишь свежие березки,
Которые росли перед землянкой.
Смолистый сосен запах,
Кругом простор и редкий солнца луч
Отрадный.
И скромный дар — мои рисунки...
На них ты взглянешь и поймешь,
Что жаждала душа тогда, чем жило сердце,
И вспомнишь и поймешь меня.

13 июня 1944

Невель, лес. Мих. Волков

Помню, в тех случаях, когда зимой я уходил выполнять боевые задания, а Миша оставался в землянке, то ожидая моего возвращения, он наливал для меня в бутылку горячего чаю. Чтобы чай не остыл к моему возвращению, он держал бутылку под шинелью, не давая ей охладиться теплом собственного тела. И когда я, застывший, возвращался, то горячий чай, которым меня угощал Миша, был мне лучшим подарком. Когда меня ранили, Миша смог, несмотря на то, что в это время шли боевые действия, разыскать медсанбат соседней 51-й гвардейской дивизии, встретиться с военным хирургом, который меня оперировал, и затем сообщить об этом моей маме, успокоив ее от имени врача, что я выздоровею и буду жить.

После войны мы встречались с Мишей. Первый раз это было в 1946 году. Тогда я сдал успешно вступительные экзамены в Московский университет, и был принят на первый курс биологического факультета. Когда я увидел свою фамилию в вывешенном списке принятых в университет абитуриентов, то я был безмерно счастлив, так как был большой конкурс, было много претендентов. Это стало вторым счастливым событием в моей жизни после того, первого, происшедшего на фронте, когда после освобождения деревни Струня я мчался на велосипеде доложить об этом командованию и меня встречные девушки-медики на машинах радостно приветствовали. Так вот, после зачисления меня студентом университета я поехал к Мише в Ярославль. Он также после этого приезжал в Москву, и мы с удовольствием общались с ним и в мирной жизни.

Одно из незабываемых для меня, правда, грустных впечатлений во время моего участия в боевых действиях в Белоруссии в 1944 году, — это сожженные немцами деревенские избы.

Представители этой цивилизованной европейской нации по мере своего отступления поджигали деревянные дома и села. На месте бывших хат торчали лишь остатки кирпичных печей. Вечером или ночью, глядя в сторону немецких позиций, можно было определить расположение отдельных деревень по заревам пожарищ на горизонте.

Мне запомнился трагический случай в одной из таких деревень. Вспоминая его, я до сих пор чувствую какую-то неловкость.

Мы наступали от Витебска к Полоцку вдоль Западной Двины. На подступах к какой-то горячей деревне, название которой я сейчас не помню, недалеко от меня, что называется на моих глазах, разорвался немецкий снаряд. В это время я шел по тропинке, слева от меня был обрыв к Западной Двине. Обычно в таких случаях, когда сам видишь недалеко разорвавшейся снаряд, уже бывает поздно защититься от летящих осколков мгновенным падением на землю или каким-нибудь другим способом. Тем не менее, заметив взрыв, я сразу же прыгнул с обрыва. И это оказалось очень своевременным, потому что пока я падал вниз, услышал

звук летящего осколка на том месте, где только что находился.

В самом начале деревни, еще под впечатлением происшедшего со мной, я увидел бегущую мне навстречу с громким воплем красивую молодую женщину, на руках которой был ребенок, по-видимому, только что убитый. Его голова и руки беспомощно свисали. Женщина причитая, пробежала мимо меня, и я уже больше ее не видел, потому что был приказ войти в эту деревню и мне нужно было его выполнять.

Сейчас я в таком возрасте, что у меня у самого есть и дети, и внуки... и огромный жизненный опыт. С теперешних позиций меня самого удивляет, как я мог при тех обстоятельствах, которые я описал, не подойти к несчастной женщине, чтобы помочь или хотя бы успокоить ее, вместо того, чтобы продолжать выполнять боевое задание по освобождению горячей белорусской деревни. И разве не то же самое было со мной и с моими разведчиками, когда мы, истекая кровью, лежали около подбитых танков, а разведчики 51-й гвардейской дивизии, заметив нас, остановились, грустно постояли и затем отправились выполнять свое задание, а мы продолжали истекать

Советские танки
на улицах освобожденного Полоцка
Июль 1944
БГАКФД

Пионеры Отраденской школы из отряда им. Жореса Вартапетяна у памятника Жоресу на Синявинской высоте под Ленинградом
Фото 9 мая 1985

кровью?! Такова была действительность тех суровых военных лет.

Другое печальное событие, которое также осталось в моей памяти, связано с судьбой моего единственного родного брата Жореса, погибшего в бою под Ленинградом во время прорыва блокады этого города. Когда я закончил учебу в Велико-Устюгском военно-пехотном училище, которое тогда находилось в Каргополе, и нас направили на фронт, на станции Няндомы (это в Архангельской области) состоялась моя встреча с мамой. Она приехала проводить меня на фронт и сообщила мне ужасную новость о гибели моего брата Жореса, старшего лейтенанта, командира роты автоматчиков, во время разведки боем под его командованием на сильно укрепленной тогда немцами Синявинской высоте. В послевоенные годы на этой же знаменитой Синявинской высоте по инициативе однополчан дивизии, в которой служил Жорес, в честь него был поставлен памятный камень. Ежегодно 9 мая, в День Победы, однополчане 124-й стрелковой дивизии, где служил и воевал Жорес, вместе с учениками отряда имени Жореса из ближайшей школы собираются на митинг у этого памятника. Позже рядом с памятни-

ком Жоресу был поставлен монумент погибшим воинам 124-й стрелковой дивизии.

Еще одно, запомнившееся мне, яркое событие из моей фронтовой жизни, правда, относящееся к более раннему периоду моего пребывания на I-м Прибалтийском фронте, я попробую коротко изложить здесь.

Это было зимой 1944 года, когда мы вели боевые действия в более северных районах Белоруссии, на границе с Россией. Бои носили местный характер и велись с переменным успехом. В частности, в том районе, где была дислоцирована наша дивизия, одну из господствующих высот, а именно, высоту 173.1, которую стали называть высотой смерти, периодически занимали то немцы, то мы, выбивая их оттуда. После многократных артиллерийских обстрелов высота вся была перепахана и чернела на фоне окружающих ее белоснежных полей и высоток. Интерес к этой высоте с обеих сторон был вызван именно тем, что она была господствующей над рядом других холмов в этом районе, поэтому давала заметное преимущество той стороне, которая ее займет.

Когда в очередной раз один из наших батальонов, выбив немцев, занял

высоту, с ним вдруг прервалась связь. Это, естественно, вызвало беспокойство командования. Меня вызвал начальник штаба дивизии полковник Реут, рассказал об этой ситуации и дал мне задание проникнуть на эту высоту, выяснить обстановку и доложить затем ему о результатах. Я направился в сторону высоты 173.1 для того, чтобы выполнить приказ начальника штаба дивизии. На полпути к высоте 173.1 я наткнулся на группу наших офицеров, главным образом из командного состава, в числе которых был и сам заместитель командира нашей дивизии. Я подошел к ним как раз в тот момент, когда бойцы, зайдя с тыла, схватили немецкого пулеметчика, который, как мне сообщили, перед этим уложил очень много наших солдат, и его долго никак не могли обезвредить. Я был свидетелем того, как энергично наши командиры с ним расправлялись, правда, не покушаясь на его жизнь. Когда я сообщил заместителю командира дивизии о том, какое задание мне предстоит выполнить, он сказал мне, что это не возможно осуществить, так как немцы отрезали от нас высоту 173.1. Вместо этого он мне поручил взять схваченного в плен немца и отвести его в штаб дивизии, чтобы там его основательно допросили. В дополнение мне дали двух вооруженных солдат, так как было ясно, что мы имеем дело с настоящим воином и с таким противником надо быть осторожным и предусмотрительным. Пленный немец, по-видимому, решил, что мы ведем его расстреливать. Он весь дрожал и все время оглядывался на меня, при этом почему-то судорожно поднимал воротник своей куртки (мне вспомнилось мое состояние в районе деревни Дятлы). Я прилично владел немецким языком и, видя в каком ужасе находится немец (к тому же он был, по-видимому, немного пьян), я стал на немецком языке его успокаивать, убеждая, что мы не будем

его расстреливать. В начале он не очень этому поверил, судя по его состоянию. Я спросил его имя, где он жил до войны и стал задавать разные бытовые вопросы на темы мирной жизни. Постепенно он успокоился.

Сдав немца, я явился к начальнику штаба и сообщил, что я не смог проникнуть на высоту, так как немцы отрезали ее от нас. Неожиданно это сообщение так возмутило начальника штаба, что он буквально набросился на меня, настаивая при этом на немедленном выполнении своего приказа, то есть я должен был сразу же направиться на высоту. Мне тогда было 18 лет и я еще был недостаточно опытным фронтовиком, поэтому такой эмоциональный всплеск со стороны высокого начальника настолько меня огушил своей неожиданностью, что, растерявшись, я даже не сообразил ему сказать, что я поступил так в соответствии с указанием большего начальника, а именно, заместителя командира дивизии. И этого было бы достаточно, так как заместитель командира — это вторая очень авторитетная фигура в дивизии.

Итак, я был вынужден повторно направиться на высоту 173.1. Уже было поздно, темно. Наступала ночь. Я шел и все время думал, что вот-вот окажусь у немцев. Как ни странно, но среди ночи мне удалось незаметно для противника проникнуть на высоту 173.1. Я встретился там с командиром батальона, который, узнав о цели моего визита на высоту, стал совершенно охрипшим голосом просить о срочной помощи, так как у него из батальона осталось лишь 18 бойцов, а немцы уже несколько раз пытались атаковать высоту и он с трудом отбивает эти атаки. Продолжать дальше удерживать высоту, у него не было уже никакой возможности. Вернувшись тем же путем, я сообщил об этом начальнику штаба дивизии, и моя задача оказалась выполненной. Таким образом, при столь

**Ветераны 47-й
стрелковой дивизии
Москва, 1986**

В первом ряду
крайний слева —
Б. Б. Вартапетян

непростых обстоятельствах каким-то чудом мне удалось не только остаться живым и здоровым, но и выполнить это очередное боевое задание.

Я описал этот эпизод лишь с целью показать, как иногда на войне люди, наделенные властью, в опасных ситуациях вели себя, мягко выражаясь, некорректно. Разве можно было в условиях, когда немцы отрезали высоту от наших войск, вынуждать восемнадцатилетнего парня одного проникать на эту высоту?!

Интересно, что после войны у меня были контакты с полковником, к тому времени уже генералом, Реутом. Он также жил в Москве, мы иногда встречались, так как он руководил советом ветеранов 47-й стрелковой дивизии.

Ветераны нашей части шефствовали над одним учебным заведением, которое обязательно посещали в дни празднования Победы. Тогда молодежь, в отличие от теперешней, живо интересовалась прошедшей войной. Однажды на одной из таких встреч, а было это вскоре после окончания войны, мы оказались вместе с генералом. Встреча с учащимися и преподавателями проходила в большом зале, мы с Реутом сидели на сцене. По ходу действия ветераны

рассказывали о событиях прошедшей войны. Я не был заранее подготовлен к выступлению, и когда очередь дошла до меня, то присутствие генерала Реута напомнило мне тот, связанный с ним, эпизод фронтовой жизни. И я, в его присутствии, рассказал детям историю с высотой 173.1, смягчив немного некоторые моменты. Окончив рассказ, я оглянулся на генерала Реута и почувствовал, что он был несколько смущен. Слава богу, хоть и с таким опозданием, но до него, видимо, все же дошло, как неразумно он себя повел тогда, занимая столь ответственное положение.

По-видимому, такие случаи бывали на войне не так уж редко. Об этом свидетельствует аналогичный эпизод, происшедший на другом фронте, с моим братом Жоресом. Подробности мне сообщил Владимир Михайлович Спиндлер, чудом оставшийся в живых участник той самой разведывательной операции, при выполнении которой погиб Жорес. Роте автоматчиков под командованием Жореса было дано задание: совершить разведку боем на Синявинской высоте. Это тоже было безумием со стороны командования, подобно случаю с высотой 173.1, так как знаменитая Синявинская высота,

**Встреча ветеранов
47-й Невельской
стрелковой дивизии
в Полоцке
Фото 1982**

В центре —
Б. Б. Вартапетян

находящаяся на подступах к Ленинграду, после захвата немцами была настолько сильно укреплена, что в течение длительного срока с участием целых армий наши войска не могли овладеть ею. Послать роту автоматчиков под командованием двадцатилетнего старшего лейтенанта на выполнение такого задания, я лично считаю, тоже было не только бессмысленно, но и преступно.

В какой-то степени это относится и к моей последней боевой операции, связанной с форсированием Западной Двины, в которой я участвовал вместе с тремя разведчиками. Как можно было среди бела дня в ситуации, когда не известно кто на той стороне реки — немцы или наши, посылать на виду у противника преодолевать широченную реку небольшую группу бойцов, не обеспечив их соответствующим прикрытием или помощью в случае острой необходимости?! Более того, о том, что мы направлены в разведку не были оповещены даже командиры подразделений нашей дивизии, иначе не полетели бы в нас снаряды и мины не только от немцев, но и от наших.

Тогда, зимой 1944 года, бои под Витебском хотя и были иногда кро-

вопролитные, однако без серьезных наших военных успехов. Не было особых успехов и когда нас перебросили из под Витебска в более северные районы Белоруссии, ближе к границе с Россией. Это было зимой, и условия тогда были довольно суровые, и в бытовом отношении тоже. Достаточно сказать, что в течение двух месяцев, а может быть и более, мы не имели возможности помыться, сменить одежду. Фронтовики, включая и офицерский состав, вследствие этого сильно завшивели. До армии я понятия не имел об этих насекомых. Поэтому, когда пошли первые разговоры об их появлении, я попросил своих товарищей мне их показать, чтобы я знал как они выглядят. Когда же зимой 1944 года при выше упомянутых мною обстоятельствах был массовый их всплеск, это было довольно неприятно, несмотря на то, что в это же время мы испытывали много других неудобств, также связанных с военными действиями на фронте в холодных зимних условиях. Я помню случай, когда мы заняли землянки, в которых до этого размещалась артиллерийская бригада сына Чапаева. В той землянке, в которой устроился я с другими офицерами, к счастью,

Б. Б. Вартапетян
(в центре) с ветеранами на Кургане
Бессмертия
в Полоцке
Фото 1994

правда, теперь он был более настойчив. Поскольку на дворе действительно было очень морозно, то я убедил своих товарищей впустить его к нам, несмотря на тесноту. Уже почти стемнело, и в темноте мы не могли разглядеть, кого же мы впускаем, и как он выглядит. Проснувшись утром после хорошего ночного сна, поскольку затишье продолжалось, мы стали сходить с нар, где лежали до этого...

Прежде чем описать, что произошло потом, я должен сделать небольшое отступление. Находясь близко к переднему краю фронта, офицеры и солдаты жили, как правило, в землянках. Ложались спать на нары, сделанные из веток деревьев и прочих случайных предметов, не раздеваясь. Не снимали даже сапоги, так как в любой момент могла сложиться такая ситуация, что сразу же нужно будет быстро выскочить из землянки. Из того, что я только что сказал, нужно сделать теперь одно исключение: сапоги, перед тем как ложиться, не снимали все офицеры нашей землянки, за исключением меня. Ложась спать, как и все, в одежде, а шинель под себя и на себя, я никак не мог привыкнуть спать в сапогах. Я их всегда снимал и надевал шерстяные носки, которые мне дала мама, когда провожала меня на фронт, прощаясь со мной на станции Няндомы.

...К нашему удивлению, утром нашего ночного гостя, которого мы приняли за танкиста, в землянке не оказалось. Но самое ужасное — не было на месте и моих сапог! Они исчезли вместе с нашим ночным гостем. Можно представить мое стрессовое

состояние — остаться босиком среди зимы, в такие большие морозы, и в такой тревожной фронтовой обстановке! Когда все это выяснилось, тут же мой ординарец Бондарь пошел искать какую-нибудь обувь для меня. Через некоторое время он вернулся с ботинками и обмотками, которые он снял с убитого нашего солдата. Недалеко от нас на немецкой колючей проволоке висели два красноармейца. С одного из них он и снял ботинки, а также обмотки для ног. Хотя мне, офицеру, носить обмотки с ботинками было не совсем к лицу, тем не менее я был очень доволен и сразу же пустил их в дело.

Лишившись сапог, мне пришлось освоить относительно длительный и утомительный процесс одевания ботинок и обмоток. Несмотря на это я продолжал по-прежнему на ночь их снимать, как я это делал, когда носил сапоги. В это время на нашем участке фронта было некоторое затишье, и мы продолжали пользоваться землянками. Однажды ранним утром, когда мы еще спали, вокруг нашей землянки началась стрельба и раздался разрыв снарядов. Тут же все, схватив оружие, сразу выскочили наружу, кроме меня, потому что я должен был одеть и зашнуровать ботинки, намотать обмотки. Когда я завершил всю эту процедуру и выскочил из землянки, к счастью, узнал, что стрельба ведется какими-то нашими подразделениями, получившими новое пополнение из необстрелянных бойцов, которым тут же устроили учебное наступление, причем со стрельбой боевыми патронами и снарядами.

была хорошая самодельная печурка. Я помню как мы, когда горела печка, вытаскивали горстью этих насекомых из-за пазухи и сбрасывали их в печь, и как эти отвратные паразиты горели там с легким треском.

Ближе к весне командование решило провести повсеместную гигиеническую операцию. Пригнали на машинах соответствующие приспособления для санитарной обработки одежды и вещей, мы построили землянки-бани прямо там, где находились, недалеко от переднего края. Наступил день всеобщего купания и санитарной обработки нашей одежды и всех прочих вещей (включая носовые платки), которые обязательно у всех были отобраны. Я вместе с несколькими офицерами с удовольствием купался в землянке-бане. Время от времени мы выбегали оттуда, грелись у костра, который разожгли неподалеку, разбросав около него ветки, чтобы не стоять на снегу голыми ногами. В одну из таких вылазок, когда мы стояли у костра и весело шутили, вдруг над нами просвистели снаряды, выпущенные из дальнобойных пушек противника. Мы уже были готовы броситься на землю, точнее лечь на

снег. К счастью, вскоре стрельба прекратилась, и мы благополучно кончили мытьё, получив после этого нашу одежду и вещи.

В связи с зимними событиями 1944 года вспоминается еще один случай... Как оказалось, на фронте острые ощущения можно испытать не только, когда идут боевые действия, но даже в условиях затишья между боями. Такой случай произошел со мной, когда нашей дивизии придали для поддержки танковую бригаду. Танкисты подошли к нашим боевым порядкам поздно вечером, когда стояла холодная, морозная, погода. У нас были, как я уже отмечал, землянки, поэтому от мороза мы не так страдали, как подъехавшие к нам на своих машинах, танкисты, которые, оставив танки, стали проситься, чтобы их приютили на ночь. Один танкист обратился и к нам с подобной просьбой. Поскольку наша землянка была очень плотно заселена, мы вынуждены были ему отказать, посоветовав ему поспрашивать в других местах. Танкист отошел. Однако, по-видимому, и другие землянки были переполнены, так как через некоторое время он вновь вернулся к нам с той же просьбой,

Если вникнуть в описанные мною трагические события, происшедшие в дни освобождения города Полоцка, то невольно приходишь к выводу, что 3 июля 1944 года в этом городе состоялось мое второе рождение. Поэтому, когда 3 июля 2009 года на торжественном параде по поводу 65-летия освобождения города Полоцка и Белоруссии меня посадили в военную машину, которая двигалась по центральному проспекту этого прекрасного города в сопровождении военного оркестра в направлении площади Свободы, где собрались жители Полоцка, я был в таком неопишемом состоянии волнения, что мне трудно сейчас это передать. Представьте себе на минуту солнечный, но трагический для меня, день 3 июля 1944 года и такой же изумительный летний день 3 июля 2009 года, и все это в одном и том же городе — Полоцке!

Я дважды был участником майских военных парадов в Москве на Красной площади: в связи с 50-ти и 55-летием Дня Победы. Однако, честно говоря,

мое недавнее участие в упомянутом торжественном параде в Полоцке в качестве освободителя этого старинного города произвело на меня более сильное эмоциональное воздействие, чем торжественные марши по случаю Парада Победы у кремлевских стен Москвы.

И еще, что бы мне особо хотелось выделить и подчеркнуть, — это роль русской женщины в прошедшей войне. В микро-масштабе эта роль проявилась на упомянутых мною примерах с рыженькой девочкой и с Верочкой из медсанбата 51-й гвардейской дивизии. Рыженькая медсестричка, имени которой, к сожалению, я не знаю, отлично понимая какой смертельной опасности она себя подвергает, тем не менее, приползла, чтобы оказать нам, истекающим кровью, первую помощь. А Верочка в самый тяжелый период моей жизни, проявила в отношении меня настоящую материнскую заботу, и тем самым спасла мою жизнь. Я до сих пор очень жалею, что мне так и не удалось в послевоенный период связаться с этими

Б. Б. Вартапетян и М. Я. Скрыбин на открытии военного парада в честь 65-летия освобождения Полоцка и Белоруссии Полоцк. 3 июля 2009

женщинами, которые сыграли такую важную роль в моей жизни, чтобы пригласить их в Москву и оказать им, соответствующее внимание.

Несмотря на то, что в годы войны мне под Полоцком пришлось пережить описанные выше трагические события, тем не менее, к самому городу, в особенности к его жителям — полочанам, которые так искренне и трогательно внимательны к нам, освободителям Полоцка, я испытываю какие-то особые нежные чувства. Возможно, это происходит потому, что именно на этой земле, получив смертельное ранение, я чудом остался жив. Когда я, бывая в Полоцке, посещаю Музей боевой славы и осматриваю стенд, посвященной нашей 47-й стрелковой дивизии, я испытываю чувство гордости большее, чем в связи с какими-нибудь другими своими жизненными успехами или достижениями.

Когда во время последнего моего приезда в Полоцк пришла идея напи-

сать некоторые дополнения к моему фронтовому дневнику, я думал, что ограничусь теми событиями, которые имели непосредственное отношение к этому городу в ходе его освобождения. Однако, по мере того, как я вспоминал в памяти отдельные события, круг описываемых эпизодов постепенно расширился. Более того, чем больше я углублялся в прошедшие события, тем больше мне казалось, что нужно сообщить возможно моему читателю, в особенности читателю молодого поколения, не только победоносные стороны войны, но и негативные моменты.

Новые поколения должны знать и неприглядную сторону той победоносной войны, в которой ценою жизни миллионов молодых людей нам удалось уберечь мир от коричневой чумы. Я об этом говорю так уверенно не только потому, что сам лично жестоко пострадал в этой войне, но и потому, что потерял на войне своего единственного брата.

Участники Парада Победы перед его началом Москва, Красная Площадь 9 мая 1995

В Софийском соборе после органного концерта солистки К. М. Погорелой. Фото 2009
 Слева направо: председатель совета ветеранов объединения «Стекловолокно» Л. А. Григорьева, К. М. Погорелая, Б. Б. Вартапетян, А. Б. Вартапетян (сын), В. В. Вартапетян (жена)

Сергей Ильич Поляков,
 заведующий Музеем боевой
 славы г. Полоцка

С. И. Поляков

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛОЦКА

Историческая справка

В 1943 году в результате боев юго-западнее Невеля образовался выступ, где оборонялись части 6-й гвардейской и 4-й ударной армий, которым суждено было сыграть решающую роль в освобождении древнего Полоцка.

4-я ударная армия создана в декабре 1941 года на базе 27-й армии. Входила в состав Северо-Западного, Калининского, 1 и 2-го Прибалтийских фронтов. Участвовала в Торопецко-Холмской, Невельской, Белорусской и Прибалтийской операциях, наступательных боях на Витебском направлении, блокаде Курляндской группировки немцев.

В состав 4-й ударной армии входили: 14, 83 и 100-й стрелковые корпуса. Армия была передана II-му Прибалтийскому фронту с 24-х часов 4 июля 1944 года. Командующим 4-й ударной армии с декабря 1943 года был генерал-лейтенант Петр Федорович Мальшев.

22 апреля 1943 года за героические подвиги и отличные боевые действия по окружению и разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом 21-я армия была преобразована в 6-ю гвардейскую армию. В составе Воронежского, I и II-го Прибалтийских фронтов участвовала в Курской битве, Невельской, Белорусской, Прибалтийской операциях, а также в блокаде Курляндской группировки противника. В 6-ю гвардейскую армию входили: 2, 22, 23, 103-й гвардейские стрелковые корпуса. Командующий армией — генерал-майор Иван Михайлович Чистяков.

Путь к Невельскому выступу проходил через узкую (8—12 км) горловину, которую немцы неоднократно пытались перерезать, чтобы окружить наши войска. Наступательные действия 6-й гвардейской и 4-й ударной армий в ноябре-декабре 1943 года сорвали эти планы фашистов. Горловина

© Поляков С. И., 2011

**Вид Полоцка
с левого берега
Западной Двины,
2007**

На переднем плане
Богоявленский
храм (XVIII в.),
вдали — Софийский
собор (XI—XVIII вв.)

**Софийский собор
в Полоцке, 2010**

Первоначально построен
в XI в., неоднократно
перестраивался, раз-
рушен взрывом
в 1710 г., восстановлен
в середине XVIII в. в сти-
ле виленского барокко

была расширена, а немцы понесли значительные потери.

С начала июня 1944 года войска, подчиненные генералам Малышеву и Чистякову, начинают готовиться к наступлению.

Планируя действия в летней кампании 1944 года, фашистское командование считало, что главный удар Красная Армия нанесет на юге. В Белоруссии предполагались частные операции скользящего характера, которые немцы собирались отразить силами группы армий «Центр». Поэтому основные силы немцев оставались на юге.

Для разгрома группы армий «Центр» привлекались, в том числе, и войска созданного на базе Калининского I-го Прибалтийского фронта (командующий — генерал-полковник Иван Христофорович Баграмян).

30 мая 1944 года ставка окончательно утвердила план стратегической операции, которой присвоили имя русского военачальника Петра Ивановича Багратиона. Усилия I-го Прибалтийского фронта направлялись через Полоцк—Глубокое на Шауляй, встык групп армий «Центр» и «Север», отсекая их друг от друга. В соответствии

с директивой Ставки от 31 мая 1944 года I-му Прибалтийскому фронту на первом этапе стратегической Белорусской операции предстояло во взаимодействии с III-м Белорусским фронтом разгромить Витебско-Лепельскую группировку противника и выйти на южный берег реки Западной Двина в районе Чашники—Лепель. Участок прорыва на рубеже в 25 км был намечен в 35 км северо-западнее Витебска. Войска фронта должны были форсировать Западную Двину и овладеть Бешенковичами, затем совместно с III-м Белорусским фронтом освободить Витебск и, развивая наступление на Лепель, прочно обеспечивать главную группировку фронта с севера на Полоцком направлении. Прорыв осуществлялся 6-й гвардейской и 43-й армиями.

Войска I-го Прибалтийского фронта имели перед собой полосу укреплений противника, подготовленную по всем правилам полевой фортификации, с огромной мощностью огня. Эшелонирование обороны немцев в глубину измерялось десятками километров. В тылу были подготовлены к обороне опорные пункты и укрепленные рубежи. Кроме этого на пути движения наших войск

находилось большое количество водных преград, в том числе и река Западная Двина.

Наступление I-го Прибалтийского фронта, по сути началось 22 июня 1944 года, в 3-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, хотя было назначено на 23 июня. 22-го предполагалось провести только разведку боем, которая принесла неожиданный успех. Противник был застигнут врасплох, подготовка к прорыву оказалась для фашистов незамеченной. К исходу 22 июня главная полоса обороны немцев была прорвана на глубину от 4 до 7 км. Оборона противника, его система огня оказались нарушенными еще до ввода в бой главных сил 6-й гвардейской и 43-й армий.

24 июня 1944 года передовые части фронта вышли к реке Западная Двина в районе станции Оболь на 50-километровом рубеже. Участок прорыва расширили до 90 км. Части 23-го гвардейского стрелкового корпуса (командир — генерал-майор Ермаков Аркадий Николаевич) приступили к форсированию Западной Двины с ходу.

25 июня войска 43-й армии освободили Бешенковичи и западнее Витебска

соединились с войсками III-го Белорусского фронта. В Витебском котле оказались пять немецких дивизий, вынужденных капитулировать. Как вспоминает участник этих событий, бывший офицер вермахта Вернер Хаупт, остатки пытавшихся прорваться из котла «боевых групп еще 26 и 27 июня выходили по радио на связь со штабом группы армий, но с 27 июня всякая радиосвязь с ними прекратилась. Битва под Витебском закончилась. Прорваться к немецким позициям удалось только двумстам солдатам 53-го армейского корпуса, из них 180 было ранено! Десять тысяч военнослужащих всех званий так и не вернулись. Они были взяты в плен красноармейцами, штурмовавшими в те дни разрушенный Витебск. Между Двиной под Витебском и озером Сара, в 20 километрах юго-западнее города, осталось двадцать тысяч погибших немецких солдат. Положение 3-й танковой армии в тот день было отчаянным...»⁴

Перед I-м Прибалтийским фронтом вплотную встала задача овладения

⁴ Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Центр». М., 2005. С. 317.

Памятник в воспоминание сражений при Полоцке в 1812 году
Фото 2010

Открыт 26 августа 1850 г., разрушен в 1930-х гг., восстановлен в 2010 г.

Полоцкий женский Спасо-Евфросиниевский монастырь, 2010
Слева: Спасо-Преображенский храм (XII в.), справа: Кресто-Воздвиженский собор (XIX в.)

Полоцком — важнейшим рубежом сопротивления группы армий «Север», воротами в Прибалтику.

В Военном энциклопедическом словаре Полоцкой операции отведено очень короткое сообщение: «Полоцкая операция 1944 года 29.06 — 04.07 войск I Прибалтийского фронта. Цель: разгром полоцкой группировки противника (16 А группы армий «Север» и часть сил 3 танковой армии группы армий «Центр») На подступах к Полоцку противник сосредоточил 6 пехотных дивизий. В результате операции войска фронта освободили Полоцк и продвинулись на запад до 110 км. Были созданы условия для наступления по берегам З. Двины на Даугавпилс».⁵

За этим коротким сообщением скрыты чрезвычайно напряженные боевые будни, так как в районе Полоцка немцы создали мощнейшую оборону из нескольких оборонительных рубежей с развитой системой опорных пунктов, противотанковых и противопехотных заграждений. Большое количество рек, озер, болот делали эту

оборону весьма надежной. Не случайно фашисты присвоили Полоцкому оборонительному рубежу наименование «Тигр». Непосредственно в районе Полоцка держали оборону шесть немецких пехотных дивизий (24, 81, 197, 205, 240, 290-я), входивших в состав 16-й армии группы «Север».

Используя естественные особенности лесисто-болотистой местности, противник подготовил оборонительный рубеж и на ближних подступах к городу, особенно с востока и юго-востока. Наиболее прочно были укреплены северная и центральная части города.

На южных и западных подступах к городу, на рубеже рек Туровлянка и Ушача немцы, не ожидавшие наступления наших войск с юга и юго-запада, не подготовили развитой системы оборонительных сооружений и оборона там строилась ими поспешно. Ставка придавала большое значение взятию Полоцка. Об этом свидетельствует приведенный в мемуарах И. Х. Баграмяна его разговор со Сталиным, который сказал: «Я понимаю обстановку, сложившуюся в районе Полоцка. Учитывая важное опера-

тивное значение этого крупного узла обороны для прикрытия Рижского направления, гитлеровское командование крепко будет цепляться за Полоцк. Несмотря на всё вы должны принять самые решительные меры, чтобы быстрее вышвырнуть немцев из Полоцка. Иначе вы можете упустить момент. Противник сумеет затормозить дальнейшее наступление главных сил. Я распорядился усилить 4-ю ударную армию стрелковым корпусом».⁶ Этим корпусом был 100-й стрелковый корпус (комкор — генерал-майор Д. В. Михайлов).

По замыслу, говоря военным языком, суть Полоцкой операции сводилась к следующему: ударами по сходящимся направлениям с северо-востока и юго-запада окружить и уничтожить полоцкую группировку противника. Главный удар наносился войсками левого фланга 4-й ударной армии в направлении Котляны—Поздняки—Дохнары. Вспомогательный удар в направлении Ветрино на-

носил 1-й танковый корпус генерала Буткова. Боевые действия войск поддерживала авиация 3-й воздушной армии (командующий — генерал-полковник Н. Ф. Папавин).

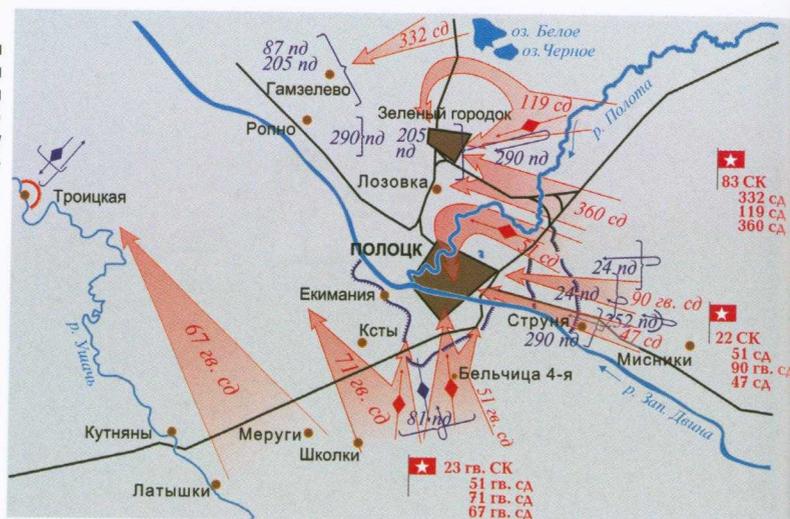
Обход Полоцка с юго-запада осуществляли правофланговые соединения 6-й гвардейской армии. Стремясь удержать город и прилегающий к нему район, германское командование с 27 июня начинает спешно перебрасывать в район к югу от Полоцка дивизии с других участков фронта. Появление свежих сил противника перед правым флангом и центром 6-й гвардейской армии замедлило продвижение наших войск и поэтому задача овладения Полоцком, поставленная первоначально частям 103-го стрелкового корпуса к исходу 29 июня 1944 года не была выполнена.

Войска 2-го гвардейского стрелкового корпуса (левый фланг 6-й гвардейской армии) 29 июня вышли к линии Бобыничи—Селище, перерезав железную дорогу Полоцк—Молодечно, что создавало угрозу исключения отхода Полоцкой группировки противника на запад вдоль левого берега Западной Двины.

⁵ Военный энциклопедический словарь. М., 1984. С. 573.

⁶ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 333—334.

Полоцкая фронтовая наступательная операция (29.06—04.07.1944)
Обстановка к исходу 3 июля 1944

Пояснения к схеме
гв. — гвардейский (ая)
сд — стрелковая дивизия;
СК — стрелковый корпус;
пд — пехотная дивизия

Полоцк после освобождения
Фото 1944
БГАКФД

Вместе с тем, преследуя противника, войска 2-го гвардейского стрелкового корпуса вырвались далеко на запад, оторвавшись от 23-го гвардейского стрелкового корпуса. В этой обстановке 103-й стрелковый корпус был направлен командармом И. М. Чистяковым в стык между 2-м и 23-м гвардейскими стрелковыми корпусами. Задача по овладению Полоцком с юга целиком перекладывалась на 23-й гвардейский стрелковый корпус. Командование немецкой группы армий «Север», войска которой обороняли Полоцк, 29 июня сообщило фюреру, что «правый фланг группы повис в воздухе. В результате южнее от него враг на широком фронте получил оперативный простор и пользуется им, крупными силами продвигаясь на запад. Нет никаких шансов на восстановление прежнего взаимодействия с группой армий «Центр».⁷ Однако, вопреки реальной ситуации, Гитлер отклонил предложение руководства группы армий «Север» на отвод войск и приказал организовать наступление на юг от Полоцка, чтобы

⁷ Хаупт Вернер. Группа армий «Север». М., 2005. С. 238.

отсечь войска 1-го танкового корпуса генерала Буткова, прорывавшегося к Дисне. Командующий немецкой 16-й армии 30 июня в 17.00 приказал занести в журнал боевых действий: «Приказом на наступление людей посылают на верную смерть!»⁸. Исключая попытки немцев организовать контрудар, советская авиация в ночь на 1 июля произвела налет на железнодорожный узел Полоцка, где на воздух взлетело 900 тонн боеприпасов врага.

После двухдневных тяжелых боев, к исходу 2 июля, соединения 23-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к Полоцку. По воспоминаниям очевидцев, город пылал, как смоляной факел. С рассветом 2 июля 51-я гвардейская стрелковая дивизия начала штурм левобережной части Полоцка. Наступление велось при поддержке всей артиллерии, танков и эффективном использовании зенитной артиллерии при стрельбе прямой наводкой. Именно в этих боях совершил свой подвиг младший лейтенант Василий Халев, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Это в честь

⁸ Там же.

его подвига на выезде из Полоцка в сторону Минска установлен на постаменте легендарный «Т-34».

В ночь на 3 июля немецкие войска перед угрозой полного окружения получили приказ оставить Полоцк⁹. Бросая технику, остатки разгромленных фашистских дивизий начали спешно отступать вдоль правого берега Западной Двины на Двинск (Даугавпилс).

Бой в южной части Полоцка шел почти сутки. Только 3 июля части 51-й гвардейской стрелковой дивизии (командир дивизии — генерал-майор С. В. Черников) вышли к Западной Двине, где разгорелся бой, прославивший подвиг 23-х гвардейцев во главе с лейтенантом Григорьевым. Вот как об этих событиях рассказывает командир 158-го гвардейского стрелкового полка Михаил Константинович Белов: «... В конце июня 1944 года после форсирования Западной Двины 51-я гвардейская стрелковая дивизия сосредоточилась в лесах южнее Полоцка... Выбрав хороший НП¹⁰ мы начали изучать

⁹ Хаупт Вернер. Группа армий «Север». М., 2005. С. 241.

¹⁰ НП — наблюдательный пункт.

противника, его передний край. Перед нами была небольшая речушка, заросшая камышом (Туровлянка. — С.П.). ...Разведчики пробрались через речушку и залегли — заняли плацдарм по берегу речушки. Я вызвал роту автоматчиков и она расширила плацдарм. Затем переправил батальон и весь полк и вышел во фланг и тыл противника и на его плечах сосредоточился на окраине Полоцка. 156-й гвардейский полк... не организовал разведки и наткнулся у дорожного моста на танки противника и за 3—4 часа потерял до 600 человек личного состава. К нему был послан заместитель командира 51-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник Ф. Т. Сушков, где он и погиб...

Южной окраиной мы овладели быстро, но снова наткнулись на водную преграду — Западную Двину. Железнодорожный мост взорван. Мне комбат-2 майор Гримковский доложил, что обнаружен деревянный мост через Двину... Я, не раздумывая, взяв начальника инженерной службы с группой саперов, прибываю в батальон. Помню разваленный домик на берегу Двины — это мой НП. Приказал саперам обследовать мост, а комбату-2 выделить не группу, а роту

в 40 человек. Лично поставил задачу лейтенанту Григорьеву: совместно с саперами овладеть мостом при поддержке артдивизиона лейтенанта Н. И. Лопаты. Завязался бой за мост. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Мост несколько раз горел от разрывов вражеских снарядов, но немедленно тушился. Все это происходило на моих глазах. Через несколько часов лейтенанту Григорьеву удалось закрепиться на противоположном берегу реки. Я еще перебросил роту, хотя и с большим трудом, но перескочил мост и закрепился. Мост был спасен и 4 июля мы уже вели бой в центре Полоцка... За проявленные мужество и героизм на группу Григорьева мною было сделано представление всем на Героя Советского Союза...»¹¹

Подполковник Ф. Т. Сушков (похоронен в братской могиле на площади Свободы) был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Никто из группы Григорьева этого звания не получил, хотя представление было подписано командующим 6-й гвардейской армией. Почему так случилось — остается загадкой.

В это время на севере и северо-востоке от Полоцка, на направлении главного удара, вели бой соединения 83-го стрелкового корпуса и 22-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й ударной армии (22-й гвардейский стрелковый корпус на период Полоцкой операции был переподчинен 4-й ударной армии).

К исходу 3 июля 119-я и 360-я стрелковые дивизии овладели Булавками и вели бой в Зеленом Городке (Боровуха-2).

Вот как это обобщено в журнале боевых действий 4-й ударной армии:

«... к исходу дня 3.7.44. 83 СК:

— 32 СД овладела опорным пунктом Булавки и ведет бой за Горбатка;

¹¹ Из письма М. К. Белова. Личный архив автора.

— 119 СД 365-м полком заняла Боровка;

— 421 СП во взаимодействии с 634 СП к 16.00 в результате упорного боя овладел мощным опорным пунктом — треугольником дорог 1,5 км северо-восточнее Зеленый Городок и завязал бой в населенном пункте»¹².

Недавно на сайте «Я помню»¹³ прочитал, поражающие своим драматизмом воспоминания командира батальона 421-го стрелкового полка 119-й стрелковой дивизии Александра Михайловича Гака. Приведу короткую выдержку из его рассказа.

«...Под Полоцком мы меняли обескровленную часть на передовой. Рано утром командир полка проводил с офицерами рекогносцировку. Каждый из нас немного волновался перед боем. Скрытно пробрались на небольшую высоту, рассматривали местность сквозь дымку рассеивающегося тумана и слушали указания командира полка. "Первый батальон — ставил он задачу — наступает в полосе: слева — край лощины, справа — одиноко стоящее здание. Второй батальон..." В этот момент вражеская мина, со свистом пролетев над нашими головами, разорвалась в тридцати метрах позади нас. Не успел комполка обозначить полосу наступления для второго батальона, как другая мина вздыбила землю, не долетев до нас метров сорок. Стало понятно, что вражеский корректировщик засек нашу группу и сейчас нас накроет третьим выстрелом. Мараховский¹⁴ дал команду — "Рассредоточиться!". Я со

¹² ЦАМО. 4 ударная армия. Ф. 325. Оп. 4570. Д. 237. Лл. 51—60. Здесь аббревиатуры СК, СД, СП — стрелковые корпус, дивизия, полк соответственно.

¹³ Койфман Г. Гак Александр Михайлович // Я помню [Электронный ресурс] = I remember : воспоминания ветеранов ВОВ // Режим доступа: <http://www.iremember.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

¹⁴ Командир 421-го стрелкового полка погиб в бою за Зеленый городок и похоронен в братской могиле на Площади Свободы. — С.П.

Бойцы 90-й гвардейской стрелковой дивизии на огневой позиции у здания городского театра слева направо: рядовой Мишин, младший сержант Я. Лебедев, сержант И. Полынцев, ефрейтор И. Гапонов Июль 1944 БГАКФФД

своим товарищем, молодым капитаном, прибывшим к нам на пополнение из 23-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии, отбежал метров двадцать вправо и залег на той же высоте. Свиста мины, летевшей в нашу сторону, я не слышал, зато услышал рядом с собой оглушительный взрыв и тут же был осыпан комьями земли. Когда чад и гарь от разрыва мины рассеялись, я посмотрел на то место, где только что лежал мой товарищ, но его не увидел. И когда огляделся вокруг, то сзади на сучьях деревьев увидел часть ноги с сапогом и внутренности, раскачиваемые ветром. Мой друг был разорван на куски прямым попаданием мины. Так для меня начались бои под Полоцком... А дальше — сплошная кровь... Даже рассказывать не хочется...»

Таким образом, 1—3 июля 1944 года войска 4-й ударной армии (83-й стрелковый корпус) обошли Полоцк с северо-запада, поставив под угрозу отход немцев в этом направлении.

22-й гвардейский стрелковый корпус действовал вдоль правого берега Западной Двины в интересах 4-й ударной армии, его дивизии (51, 47-я стрелковые и 90-я гвардейская стрелковая) подходили к Полоцку с востока

и северо-востока, то есть по тем направлениям, где город был особенно сильно укреплен противником. На эти соединения выпала основная тяжесть боев за освобождение Полоцка.

Примечательно, что в артиллерийском обеспечении наступления корпуса участвовала 64-я пушечная артиллерийская бригада, которой командовал полковник Александр Васильевич Чапаев, сын легендарного героя Гражданской войны. В период штурма Полоцка его наблюдательный пункт располагался где-то в районе, который сейчас именуется Громы. За доблесть в боях на Полоцкой земле 64-я пушечная бригада была награждена орденом Красного Знамени.

Так случилось, что в боях под Полоцком участвовали две 51-е стрелковые дивизии: одна из состава 4-й ударной армии и другая, входившая в состав 6-й гвардейской армии и носившая соответственно звание гвардейской. Такое положение часто приводило к искажениям в оценке заслуг дивизий в Полоцкой наступательной операции. Больше лавров стяжала гвардейская дивизия, но ее «тёзка по номеру» несколько не меньше достойна самой высокой оценки.

Ротой разведки 51-й стрелковой дивизии (за бои 22—26 июня получила наименование «Витебской», за Полоцкую операцию удостоена ордена Красного Знамени) командовал легендарный фронтовой разведчик Георгий Георгиевич Шубин, который переходил линию фронта 44 раза и привел 63 языка. О Шубине, как мастере по захвату языков, знал и противник. Немецкая разведка охотилась за легендарным офицером. На счету трех разведчиков из его роты по 50, а у семерых по 30 языков. За 20 языков на фронте, как правило, присваивали звание Героя Советского Союза. В роте Шубина такого звания не имел никто! Помехой для присвоения звания Героя самому Шубину, как недавно выяснилось, был его арест еще накануне войны.

Георгий Георгиевич пришел в дивизию студентом-добровольцем и закончил в ней войну капитаном, командиром разведывательной роты. После войны на протяжении 10 лет работал директором Печерского заповедника, был известным в Советском Союзе специалистом по дрессировке животных. Знаменитый журналист и фотограф, лауреат Ленинской премии Василий Михайлович Песков

посвятил Георгию Георгиевичу несколько своих очерков. В одном из них излагаются любопытные детали о боях за освобождение Полоцка¹⁵.

Был назначен день и час штурма Полоцка. В последний раз перед штурмом надо было взять языка, но несколько попыток разведчиков сделать это не увенчались успехом. Командир дивизии генерал-майор А. Я. Хвостов решил провести разведку боем, предложив Шубину взять себе в помощь роту штрафников. Вот как об этом бое рассказывал сам Шубин: «Как сейчас помню, их было сто двенадцать. Построил. "Нужны добровольцы. Все, кто пойдет в атаку, получают прощение. Кто будет брать пленного — получит награду. Я пойду с вами. Операция опасная. Кто решится — один шаг вперед". Девяносто семь человек сделали шаг вперед. Объясняя задачу: "По сигналу начнет бить артиллерия. Три минуты огня. В это время пересекаем открытое место. Через три минуты артиллеристы перенесут огонь на фланги. Операция выполнена, как только возьмём хотя бы

¹⁵ Песков В. М. Он был разведчиком // Приложение к журналу «Сельская молодежь». Библиотека приключений в пяти томах. Т. 4. М., 1966.

Полоцк освобожден!
Фото июль. 1944
БГАКФФД

Военный парад в честь 65-летия освобождения Полоцка и Белоруссии
Полоцк. 3 июля 2009
В машине под красным — флагом Б. Б. Вартапетян и М. Я. Скрябин

одного пленного. Сразу всем отходить. Я отхожу последним».

На другой день, ровно в двенадцать часов, мы с Даниловым навели прицелы на часового, ходившего по траншее у пулемёта. Выстрел. И сразу заработала артиллерия. Сапёры моей разведки толком прорвали проходы в проволоке. Крики "ура" у немецких траншей. Рукопашная. Вижу: два пленных есть! Даю ракету к отходу. Но что это? Никто не отходит. "Ура" гремит уже у второго ряда траншей... У третьего ряда рвутся гранаты. И вдруг по всей линии фронта загрохотало, покрылось дымом все. Танки пошли, люди в дыму мелькают...».

Наблюдавший за боем командир дивизии по телефону сообщил командующему фронтом генералу Баграмяну об успехе штрафников и получил согласие на переход в общее наступление. Через сутки воины 51-й стрелковой дивизии вошли в город.

Вдоль правого берега Западной Двины, сменив в наступлении 90-ю гвардейскую стрелковую дивизию и ведя тяжелые бои, в город входила 47-я Невельская стрелковая дивизия.

Дивизия была сформирована в 1942 году на базе 21-й стрелковой бригады и за короткое время вписала немало ярких страниц в свою боевую биографию. За освобождение Невеля дивизия получила почетное наименование — «Невельская», мужество и героизм, проявленные ее воинами в боях за Городок, отмечены орденом Суворова, а за освобождение Полоцка — орденом Ленина. 1200 воинов дивизии за успешное выполнение боевых задач в ходе прорыва обороны врага на востоке от города и в ходе его штурма были награждены орденами и медалями.

4 июля 1944 года Полоцк был полностью освобожден от врага.

Бои 1944 года под Полоцком — малоизученный и очень тяжелый эпизод Великой Отечественной войны. Соседняя с 47-й 51-я стрелковая дивизия за сутки боя (2—3 июля) потеряла убитыми и ранеными около 200 человек. Фронтовики сравнивают потери в боях под Полоцком с теми потерями, которые несли части Красной армии в боях на Волге. Цена освобождения была очень высокой и мы должны об этом помнить всегда.